

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ИСТОРИЯ
ВОПРОСА, ИЛИ
ДЕМАРШ ВОЛИ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
ЧАСТЬ 1 НАЧАЛО ЗАГАДКИ	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	25
Глава 6	26
Глава 7	28
ЧАСТЬ 2 ОСМЫСЛЕНИЕ	30
Глава 1	30
Глава 2	32
Глава 3	35
Глава 4	36
Глава 5	38
ЧАСТЬ 3 ОТКРОВЕНИЯ.....	40
Глава 1	40
Глава 2	42
Глава 3	45
Глава 4	47

ЧАСТЬ 4 ИСТОРИЯ ВОПРОСА.....	52
Глава 1.....	52
Глава 2.....	56
Глава 3.....	58
Глава 4.....	61
Глава 5.....	63
Глава 6.....	65
ЧАСТЬ 5 ДЕМАРШ ВОЛИ.....	70
Глава 1.....	70
Глава 2.....	71
Глава 3.....	73
Глава 4.....	76
Глава 1.....	79
Глава 2.....	80
Глава 3.....	83
Глава 4.....	86
Глава 5.....	87
Глава 6.....	90
Глава 7.....	93

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Он был, в полном смысле слова, "занятой человек", ибо предметом его занятий была собственная душа..."

В. Набоков

С.А.

Зелинский

**История
вопроса, или
демарш воли**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

История вопроса, или демарш воли

С. А. Зелинский.

История вопроса, или демарш воли.

Роман.— CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 118 с.

ISBN 9781312151444

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

роман

История вопроса, или демарш воли

"Он был, в полном смысле слова, "занятой человек", ибо предметом его занятий была собственная душа..."

В. Набоков

Часть 1 Начало загадки

Глава 1

Ему отчего-то казалось, что он действительно должен выговориться перед кем-то.

Притом что как будто не было рядом того, кому действительно мог бы он доверить то свое сокровенное, что уже в течении сорока с небольшим лет накапливалось в нем.

Он не мог сказать, действительно ли это все было необходимо. Но знал, что это будет так после того, когда он сумеет все закончить уже как бы окончательно.

Вульф было сорок два года, по национальности он был немец (скорее австриец), родился во Франции, детство прожил в Европе (ряд европейских стран тогда приютили его отца, о котором сейчас он почти не помнил, тогда как мать, также внезапно почившая, завещала бережно хранить воспоминания).

Уже более двадцати лет Вульф жил в России. Приехал он туда почти сразу после Перестройки, когда не только открыли границы, но и он вспомнил (скорее узнал), что дед и прадед его - были родом с Керчи. А всю жизнь прожили в Липецке (небольшом городке в центре России, примеч. Вульфа). Сейчас уже как несколько лет Вульф проживал в Санкт-Петербурге.

Он считал этот город столицей.

Работал Вульф преподавателем на кафедре социологии. Работа - суть его признания. Признание - следствие природных способностей, которые Вульф только из ложной скромности не называл талантом.

.....

По большому счету он никогда не думал, что у него могут начаться какие-то затруднения во взаимопониманиях с женщинами. К последним он вообще относился (если это не касалось каких-то личных связей или рабочих моментов) как к чему-то постоянному, и не изменяющемуся со временем (как может быть постоянно солнце, или ночь - сменяемая день, воздух, ветер, да и вообще все то, что существует, но что начинают актуализировать лишь поэты да ученые. Да и то, если на тот момент у них временный недостаток иных тем.)

Вульф к подобному подходил в иные моменты серьезно.

Однако со времени последних откровений его мысли в данном направлении, прошло много лет. Можно предположить, что он разобрался в вопросе. Вопрос стал ему уже не так интересен. И он попросту занялся какими-то иными темами, которые на тот момент, вероятно, показались ему более актуальными. Хотя это несколько не говорило, что он совсем забросил тему предыдущих размышлений. Более того. О Вульфе следовало сказать, что он вообще был склонен периодически возвращаться к прошлым темам. Темы эти к тому времени были, конечно, почти всегда должным образом рассмотрены. Но в каждом конкретном случае сказывалось время. Потому как по прохождении какого-то периода Вульф что-то забывал (из собственных наработок прошлого). А потому ему становилось весьма интересно вновь приблизиться к каким-либо воспоминаниям. Причем уже можно было заметить, что находил он в каждом новом случае нечто весьма любопытное и важное. Отчего улыбался (прятав улыбку вглубь души). И посылал в свой мозг некую бессознательную команду о том, что время потрачено нельзя. То, что возвратился к старой теме - правильно. Да и вообще - все, как говорится, идет по плану.

Вульф любил, когда у него все шло по плану. С детства он привык планировать каждое свое действие. Весьма любил многоходовые комбинации. Когда заранее (все также в большинстве случаев бессознательно) просчитывал множество ходов. Хотя несколько и забывая те, а потому иной раз про себя удивляясь, когда обнаруживал что думал об этом когда-то, но сейчас это словно пришло в первый раз.

Первого раза у Вульфа не было уже давно. Можно даже предположить, что как раз со своей обстоятельностью он весьма

запутывал себя. Хотя и становилось понятно, что это, в первую очередь, необходимо ему самому. Ну, или - самому ему. Вульф - как слова, так и собственные поступки, периодически переставлял местами. Словно бы не только наблюдая, но и изучая, что произойдет в этом случае.

Чаще всего происходило много или мало. Обычно даже очень мало. Учитывая то, что Вульф как-то подозрительно намеренно находил компромиссы с собственной судьбой. Со временем все больше обращая ее в нужном для себя направлении. И это, наверное, еще было бы пол беды в сравнении с той формой безрассудства, на которую его иной раз толкала природа.

Хотя сейчас об этом уже можно было не говорить. Прошло время, Вульф заметно изменился (изменялся он вообще всегда; в лучшую сторону, разумеется), и поэтому становилось понятно, что перед ним приоткрывают горизонты свои тайны. С условием, конечно, что он эти тайны разгадает.

Почти всегда разгадывал. А если не получалось - сознательно (или все же скорее бессознательно) запутывал себя. Пока в мозг не поступала информация, что с заданием он справился. Что теперь можно не волноваться. Что все и далее будет происходить так, как надо. Как необходимо.

Глава 2

Он мог признаться, что в последнее время много раз готов был пересматривать свою жизнь заново. Вернее - начать предпринимать подобные попытки. Притом что фактически, мало что у него на самом деле получалось. И прежде всего, конечно же, от того, что как-то серьезно к подобному вопросу он не подходил. Понимая, должно быть, что при случае всегда может это сделать. Ну а сейчас, значит, пока оттягивал момент.

Получалось так.

И в тоже время заранее о чем-то конкретно невозможно было догадаться заранее. Потому как, это только с одной стороны можно было взглянуть соответствующим образом, поверив, что все так и есть на самом деле. А с другой стороны - оказывалось, что все и вовсе безобразно полное. И какого-то подхода если и требовало, то скорее стоило заметить, что не нужно было вообще подходить к подобному вопросу. Потому как уходила правда куда-то в сторону. А догонять ее, иной раз, и смысла и времени не было.

.....

Он бы мог сказать, что все у него только начиналось.

Несмотря на относительно серьезный возраст, Вульф Томас Рудольфович, вероятно впервые за последние годы своего существования чуть не признался себе, что он понял, что всегда в его жизни было главным.

Ведь вопрос может так стоял и раньше. А вот получалось,-- он сознательно уводил себя в сторону. Понимая, что может даже и не прав он будет вовсе, если коснется его,-- а нет,-- прав, прав,-- наверное уже говорил он себе,-- но поскольку дело не сдвигалось с мертвой точки вопроса, выходило, что все на самом деле не так-то и серьезно, как казалось ему, когда он подходил к разрешению вопроса слишком, как ему казалось, близко.

И в тоже время вполне мог бы он удалиться в сторону и раньше.

Да не отпускало все же что-то его. Ну, или он особенно как-то не желал расставаться со всем, что было ему так дорого. Хотя было ли? Наверное, вопрос...

Томас Вульф вспомнил, что когда-то он уже подбирался в своей памяти к подобной разгадке. Да вот видимо тогда действительно что-то помешало ему. Разве что сейчас,-- подумал он,-- сможет...

--Да нет, он должен,--запротестовало нечто внутри Томаса,-- он должен, непременно должен сейчас разом и бесповоротно разрешить наметившийся (давно уже наметившийся,--повторил он) в душе конфликт. И разве что где-то в подсознании стоило признать, что время еще не пришло. Не пришло настолько, что он действительно мог бы все сделать правильно и так как надо. А вот знал ли кто - как на самом деле надо? Пожалуй, что и не знал...

.....

Всегда знал об этом сам Томас Вульф. Как-то по необычному высокий и худой (излишне,-- как улыбнулся бы кто-то), Томас Вульф с недавних пор как никогда чувствовал, что находится на пороге каких-то удивительных открытий в области самого себя.

Можно было еще предположить, что что-то действительно оттягивало тот миг, когда он расскажет себе -- о себе -- все и сразу. Но вот сейчас миг этот как будто действительно подошел. А значит, надо было как минимум решаться.

--А как максимум,--подумал Томас,--придумать очередную причину, которая в очередной раз отдалит этот миг...

Могло ли закончиться это действительно за миг - Томас не знал. Он только подумал, что сделает все возможное, чтобы все сейчас состоялось. Потому как после,-- и он знал это,--уже не будет так мучительно больно его душе. Ведь иной раз его душе было действительно больно. Но то было все же больше раньше, чем теперь. Теперь все как-то получалось иначе. По другому. Может даже и действительно по другому.

К Томасу вновь пришли воспоминания о прошлом.

Когда они накатывали, его психика вела себя так, словно бы все время ожидала этого. Потому как становилась она мягкая как воск, пропуская в себя (и через себя) все, что до недавних пор считалось что забылось.

Не забылось. Просто в результате жизненных преобразований оказывалось вытесненным куда-то на задворки. Но практика показывала, что все возвращалось даже быстрее, чем этого можно было ожидать. И от того на душе Томаса становилось как-то по-особенному весело и вольготно.

А еще, наверное, становилось ему удивительно свободно. Потому как в такие минуты отбрасывал он все наветы, пришедшие до этого с культурой (к которой он как-то по особенному бессознательно стремился). Являя себя -- самому себе -- таким, каким он, наверное, всегда был.

В такие минуты Томас забрасывал все, что связывало его с жизнью настоящей.

Он больше не был преподавателем института, и примерным семьянином.

Он больше не был трезвенником.

Его мозг в такие минуты жаждал самых невероятных преобразований. Да и имени "Томас" уже тоже не было. Ни имени, ни фамилии.

И тогда он снова становился Сеней Коромысловым.

Глава 3

Сеня Коромыслов...

О детстве Сеня говорить не любил. О юности тоже умалчивал. Но вот молодость его была совсем иной, чем это могли представлять те, кто знал его в детстве, и представлял во взрослой жизни. И отрезок между двадцатью и тридцатью годами - был у Сени тем, когда он, наверное, действительно был самим собой. По сути - дебоширом и пьяницей. А еще -- призером страны по боксу. Если бы не распад Союза - быть бы ему и чемпионом. Да вот увлекли его на рубеже начала 90-х другие дороги. И что тогда уберегло Сеню от того, чтобы окончательно не стать преступником - загадка. Загадка, впрочем, небольшая. Потому как Сеня понимал, что просто его уберегла судьба. Потому как, отсидев небольшой срок по бандитской статье, позднее он сделал все, чтобы исправить свою биографию. А природный талант и интеллект помогли ему сделать все так, чтобы те, кто узнал его через десять-двадцать лет (когда Сене стало сорок, и он изменил свои ФИО, вспомнив об иностранных корнях и придумав легенду проживания за границей - за границей Сеня на самом деле родился, может быть прожил раннее детство, но сформировался уже на просторах СССР) не могли и подумать, что Томас Вульф - стал таковым только недавно. А до этого он был известен как Сеня Коромыслов, или еще проще - Коромысло, как его звали дружки.

.....

По сути, он, конечно же, не знал, что может быть лучше: оставаться таким как сейчас (то есть хранить тайну о прошлом в душе), или же измениться вновь; пока, как говорится, еще не поздно. Чтобы уже после...

В том-то и дело, что он не знал, как будет лучше, когда наступит это "после". Можно было предположить, что Томас намеревался со временем все же разрубить гордиев узел противоречий. Но даже думать так иной раз становилось весьма проблематично. И - затруднительно.

И что наверняка - запутать себя он мог невероятно. Потому как что уж было говорить о том, что не всякое дело могло иметь продолжение, если только допустить, что существовали какие-то особые причины того, чтобы...

Нет. Томас Вульф не смел пока даже мыслить об этом. Ведь легко могло получиться так, что вся база его размышлений рухнет в единый миг. И то, к чему он уже вроде как подобрался - окажется вовсе не существующим, не нужным, а то и даже опасным. Ведь такое действительно можно было предположить.

.....

Такое уже бывало. Чем больше Томас думал над каким-то вопросом, тем больше он запутывал себя; и вскоре ему уже становилось понятно, что ничего не понятно и вовсе. Непонятно не только в его настоящем, но и прошлом. Тогда как именно в прошлом он всегда надеялся, что существует некая лазейка, отталкиваясь от которой он способен будет выбраться куда-то в более приемлемое место существования. Тогда как в то же время могло оказаться все уже достаточно проблематичным, чтобы думать ему о том, о чем так, бывало, горячо рассуждал он...

.....

Томас Вульф мог признаться, что в его жизни многое еще больше казалось запутанным, чем то было на самом деле. Причем, в большинстве случаев, подобное на самом деле не отвечало действительности. Ибо уже получалось (и Томас периодически убеждался в этом), что, несмотря на его стремление как-то упорядочить и свою жизнь и свои мысли (вероятней - мысли, а через них и жизнь), ничего такого уж явного у него не выходило. А все его стремления были чем-то лишь обнадеживающим. Что давало временное успокоение, но совсем не избавляло от страданий.

По сути, конечно, он стремился всячески отдалиться от своей зависимости. И вот только вопрос заключался в том, что на самом деле ему это удавалось временами. Временами, потому как говорить о чем-то постоянном не имело значения. Вроде как он и мог, и был способен избавиться от всего этого; да проходило лишь незначительное время, Томас понимал, что против природы не пойдешь. А он так и вовсе был бессилен, потому как каждый раз, когда возникал подобный вопрос, ему начинало казаться, что делать подобное не надо. И даже не то что не надо, а и вовсе - ошибка. Ошибка, которую всегда тяжелее исправить, нежели чем совершить. А совершив...

--Да лучше было не совершать,--решил Томас Вульф раз и навсегда, и подумал, что может и правда, гораздо справедливей было бы и вовсе прекратить подобные размышления. Ну, или же свести их совсем к минимуму. Прежде всего, ведь ему и так было всегда "о чем думать". А потом,-- знал он,-- что пройдет какое-то время, и все его недавние мысли начнут воплощаться в жизнь. Причем сам он мог особо и не желать, чтобы было так. Да что уж толку от того, желает он или не желает...

Томасу вдруг наскучило его новое имя. Можно было заметить, что игра в имена как бы вообще ему была не свойственна. Да вот отчего-то попробовал он раз, и как будто втянулся. А втянувшись, только усилием воли заставлял себя не предпринимать что-то подобное и дальше. Потому как становилось ему понятно, что все это не есть то необходимое, что было должно сопровождать его жизнь. Он даже и вовсе мог бы с легкостью (с нарочитой легкостью) от всего избавиться. Да вот подумал, что не всегда следует делать то, что, быть может, и возникает желание сделать в один какой-то момент. А после - можно и раскаяться от совершенного...

.....

На самом деле вопросов как всегда было больше чем ответов. Можно было даже сказать - традиционно больше.

--И все потому,--сказал сам себе Томас,--что он весьма вдумчиво относился ко всему, что происходило вокруг него.

.....

Томас часто разговаривал сам с собой. Разговаривал главным образом мысленно. Вслух он редко что произносил при таких беседах. Опасался нежелательных слушателей? Может быть и так. Притом что в последнее время Томас вообще все чаще чего-то опасался. Да и людям он, главным образом, не доверял. Понимая, что могут и предать. Причем даже не то что специально, нет. Чаще всего такое предательство, знал он, происходило бессознательно.

Томасу вдруг захотелось открыть карты.

Ведь в душе он был совсем другим, чем хотел казаться. Притом что в отдельные моменты он как будто и не знал, каким хотел на самом деле казаться. Потому как с одной стороны, он вполне мог отталкиваться от своего буйного характера, который в

последнее десятилетие (как минимум десятилетие; началось все много раньше) усмирил, казалось, до неузнаваемости. И в то же время Вульф все так же не верил ни себе, ни другим, когда казалось необходимости разрешения противоречий в собственной душе. Тут было много личного, много вообще тумана... Много...

Много чего было в душе Томаса.

Много было такого, что он достаточно неохотно вспоминал.

Чему-то (так выходило), он вообще не верил. Быть может очень хотел измениться. А может уже и сам поверил в то, что путь жизни у него другой. И другой это значит не совсем такой как у всех. И даже не такой, какой он видел сам. Хотя, что он сам видел? Ничего. Сеня Коромыслов столь часто менял свою жизнь, что впору было признаться, что он ничего (или мало что) видел вообще в этой жизни. И что уж точно - чтобы не запутаться, он обязан был следовать единому плану. Единожды выработанный плану. Плану, которому придерживался последние годы. А согласно этому плану - был он Томасом Вульфом. Австрияком.

.....
..

Конечно, он мог бы заметить, что все когда-то пошло не так, как вероятно это он с самого начала предусматривал. Однако так можно было бы сказать, если бы он что-то действительно предусматривал. Тогда как о подобном скорее всего говорить было или рано, или может даже и просто не нужно. Ну, хотя бы потому, что Томас сам подозревал, что все это становилось способным излишне увести его в сторону. В сторону понимания той действительности, к которой он все это время столь яростно стремился. Стремился понять, достигнуть, стремился сделать все таким образом, чтобы как бы уже ничто не мешало когда-нибудь, когда действительно наступит соответствующий момент. После чего станет ясно, что уже вроде как действительно пора. Пора, чтобы все произошло именно так. Пора, чтобы ничто уже не мешало в последующем сделать все как-то иначе. Да и как иначе? Томас знал, что нельзя, чтобы даже видение какое было, противоречащее единому пониманию. Нельзя.

И он знал, что должен исключить любую ошибку.

Глава 4

Он мог бы сказать, что ему по плечу было многое.
Не удосуживаясь более-менее проверить собственные выводы, Валентин Петрович еще раз пробежал глазами собранные в папку листы, аккуратно сложил их, прикрепил скрепкой, положило обратно в папку, и только сейчас задумался о том, что же он на самом деле наворотил.

Валентин Петрович Беговой был член-корреспондент академии наук. Было ему 67 лет. Высокий и грузный (по центнер весом) Валентин Петрович был человеком достаточно принципиальным, чтобы сникать перед какими трудностями, или не идти до конца в собственных размышлениях.

Размышления, иной раз, запутывали его самого. Тогда он на какое-то время давал себе поблажку. А после - вновь погружался в работу. Зная, что его ничто не остановит на пути к истине.

И эту истину Валентин Петрович искал всю жизнь. Вернее - это для других он ее еще искал. На самом деле уже лет как десять нашел. Но Беговой никому не доверял. Он даже не то что знал, а подозревал, что кругом враги. Причем,-- как знал Беговой,-- враг иной раз может притаиться до времени. А то и выдавать себя за друга. Чтобы потом - нанести удар в спину.

От подобных мыслей Беговому вскоре становилось тошно.

И он старался от них избавиться.

Получалось плохо.

Лучше стало получаться, когда Томас Вульф (Вульф - старинный приятель Бегового), познакомил Валентина Петровича с одним из своих товарищей. У этого товарища было какое-то сложное психотическое заболевание, которое он умело маскировал под специфику характера. И самое любопытное оказалось, что у этого товарища Вульфа тоже были враги. Вернее - ему казалось, что кругом враги.

Сопоставив портрет товарища и себя, Валентин Петрович избавился от идей о тайных врагах. И мог теперь смотреть на мир иначе. Лучше, чем раньше. Потому как вдруг заметил в этом мире то, на что раньше просто не мог обратить внимание в силу различных обстоятельств...

.....

Можно было конечно сказать, что он ошибался.

Да вот только вопрос в том, что в своем новом времени он договорился с собой - не критиковать себя. И даже если

предположить, что нечто такое осталось у него, в его психике, что он мог бы еще как-то уподобить какому пониманию, то что уж точно - это было бы не совсем верно и правильно. Ну хотя бы потому, что Ивану Мирбаху уже давно надоело все наносное и не настоящее. И если что он на самом деле хотел...

Впрочем, о том, что хотел Мирбах, говорить было рано.

Но что точно, он мог предположить, что в самое ближайшее время все в его жизни изменится.

При том что изменялось оно уже на протяжении почти десятилетия. А значит...

Что будет дальше, он пока не загадывал. Он только знал, что по-прежнему находится на пути к выполнению задачи, к которой все время стремился. И если допустить, что все его нынешние размышления есть суть одного (то есть, например, выполнение схематических и в какой-то мере обязательных действий в рамках психического состояния), то тогда быть может и вовсе особого внимания на него можно было не обращать. Чем весьма польстились бы ему, так как Мирбах не очень жаловал излишнее внимание к себе. Одиночество предпочитая больше, чем шум.

Вообще, конечно, был он престранной личностью. Можно даже сказать - зная это - предпочитал не только оставаться именно таким, но и находил в этом, видимо, какую-то свою пользу. Пользу от подобного поведения. По крайней мере лицо его иной раз принимало совсем загадочное выражение. И даже если предположить, что он хотел чтобы это не было так-то уж заметно, скорей всего так это на самом деле не было. Хотя - в его деле всегда было больше чего-то загадочного, чем можно было отыскать какие-то ответы. Причем, быть может, и вины-то его особой не было. А все больше была ваша проекция. Проекция вашей психики. Ну а уже сознание подчинялось такому положению. И становилось по настоящему трудно что-либо решать...

Казанцев загонял себя.

Он знал об этом.

Знал, что давно уже относится к своему организму таким образом, что еще можно было удивиться, как тот адекватно реагировал на подобные сигналы в виде неожиданных всплесков

ярости, периодически разраставшихся и распространявшихся по телу.

Но ведь с другой стороны,-- знал Казанцев,-- все еще могло (в будущем) повернуться иначе. И тогда уж точно, сложно будет сказать, кто окажется прав.

Притом что загадывать уж точно будет достаточно трудно.

-- Трудно, да и видимо нелепо,--подумал Альберт Карлович, и ему на какое-то время стало легче.

И пусть он знал, что позже все возвратится. Что ему вновь придется не только задумываться над происходящим, но и фактически прилагать усилия для контроля реальности,-- это уже стало и не так важно, потому как вот в такие минуты (отдыха) он получал возможность восстанавливать свои силы. Силы, которые позже помогали ему. Помогали ему прежде всего выжить. Выжить среди буйства остальных. Позволяя, по сути, безучастно (с необходимой долей безучастности) взирать на все остальное.

После чего он уже знал, что у него все получится. И станет несравненно легче вообще жить. А что уж было говорить, что жить могло стать заметно веселее, да и может быть даже необходимее.

Если кто и способен был противоречить Казанкину, да только он сам себе.

Но он себе противоречить не любил. Другим - не позволял. А жил как жил. Жил той жизнью, которую фактически сам для себя и выбрал. Притом что знал, что многое в этой жизни делал пока не так; но стремился, чтобы свести к минимуму это "не так". Угадывая заранее ожидаемую ошибку. И предусматривая ее - исправлял, получается, на полпути. От чего становилось ему легко и свободно. Свободно жить. Свободно действовать в рамках ожидаемых событий. Потому как события он главным образом научился предсказывать. Как научился не допускать, чтобы они двигались совсем не так, как было необходимо ему.

.....

Если описать внешний портрет Альберта Карловича, то необходимо было заметить, что выглядел он лет на десять младше своих пятидесяти пяти лет. Но имел необходимую степенность, свойственную годам, густую шевелюру, казацкие усы, взгляд из-под лобя, и уверенность во всех собственных поступках.

И уже как дополнение можно было заметить, что у Казанкина были две докторские степени, трое детей (один из них

недавно защитил кандидатскую, дочь вышла замуж за работника прокуратуры, а самый младший заканчивал французскую школу с отличием), жену-красавицу (вовремя сделанные пластические операции вернули 45-летней супруге уходящую молодость), большую квартиру в центре Санкт-Петербурга (кажется на Мойке), и полмиллиона долларов ежегодного дохода, поступающего с доли в бизнесе, который когда-то открыл Алберт Карлович, да позже, погрузившись исключительно в преподавательскую деятельность, отдал в управление двум своим братьям, оказавшимися весьма способными малыми, правда, ни на что кроме бизнеса пока не претендующими в этой жизни. Ну да каждому свое.

Достаточно сложно было ответить на вопрос: понимал ли Фирсов о том, что он иной раз столь умело доказывал?

Наверное все же нет. Потому как, несмотря на общее осознание значимости вопроса, Феликс Леонидович, тем не менее, порой терялся от самых обыденных вещей. Тогда как в другой раз, впрочем, он разрешал и более сложные задачи. И должно быть тогда вопрос мог заключаться в том, насколько были оправданны вообще какие-либо сомнения этого человека.

Притом что сомнения у него не только были, но и они, по сути, вырисовывались иной раз таким образом, что впору было хвататься за голову, и говорить о том, как же все-таки все запутано...

Было ли так на самом деле, Фирсов не знал. Он как бы все время пребывал не в реальности задаваемого вопроса. И даже если предположить, что где-то он все-таки находился поблизости, тем не менее можно было считать спорным вопрос, что он отдавал в полной мере отчет в происходящем. А если и отдавал, то уже вряд ли этот отчет доходил до сознания Фирсова. И прежде всего потому, что Феликс Леонидович явно достаточно скептически относился ко всему, в плоскости чего пребывали его мысли. Ведь думал он иной раз и действительно невероятно много. И даже можно предположить, что кое до чего в своих размышлениях додумывался.

Хотя и все можно легко отместить, если предположить о тех результатах, до которых Феликс Леонидович доходил. А результаты его мыслительной деятельности были, как бы это сказать, весьма неоднозначны. Ну, например, он мог в один момент взлететь на вершину собственных размышлений (почувствовав необычайный подъем от всего придуманного в этот момент), и в то же время

упасть невероятно низко. Порой так низко, что уже не думал: удастся ли подняться.

Доселе обычно удавалось. Правда, какого труда это стоило Фирсову - никто не знал. По натуре человек он был малоразговорчивый. Немного стеснялся дефекта дикции (он не выговаривал букву "р"). Стеснялся слишком излишней худобы и общей невзрачности. Быть может потому, периодически отпуская бороду и усы, в надежде придать тем самым солидность. А после неожиданно сбывая их. И ругая себя за общую дебилоидность.

Впрочем, мнение Фирсова в отношении себя еще со школьных лет было более субъективным, чем даже хотел бы он предположить. И по всему такой человек больше себя ругал, чем любил.

Что не могло не сказаться на его жизни и на тех людях, что эту жизнь окружали. Ибо подбирались в знакомые Фирсову и действительно все больше люди странные да загадочные. При этом Фирсов явно подозревал, что каждый из них надеялся извлечь свою выгоду из общения с ним. И быть может уже думая так о других, Фирсов тем самым столь неудачно программировал себя. Потому как пребывал он всегда больше в печали, чем в радости. И в любой жизненной ситуации прежде всего видел неудачу и обман. Хотя и стремился от этого избавиться.

Но ему не удавалось.

И по всему уже становилось понятно, что Фирсов человек был более несчастный, чем было на самом деле. Жалел себя, и бессознательно радовался подобной жалости.

Воеводин с одной стороны задумывался над тем что происходит, а с другой - мечтал, чтобы ничего особенного не происходило. То есть перед нами был пример человека сомневающегося, но и стремящегося понять окружающую действительность хотя бы в рамках собственного видения ее. Что, опять же, надо заметить, было если и возможно, то результат имело весьма загадочный. Потому как ни к чему подобное присовокупить было невозможно. Пользу извлечь тоже никакую. Оставалось быть сторонним наблюдателем, и разве что включиться позже.

Воеводин был готов ко всему. Месяц назад ему исполнилось тридцать девять лет. Массивность делала его лет на десять старше. Неправильный прикус несколько удивлял и озадачивал людей.

Особенно тех, кто знал о финансовом состоянии Воеводина (у него был один миллион евро).

Впрочем, внешне Воеводин старался не выделяться среди представителей среднего класса. И только по совсем малым деталям (галстук, зажигала, ботинки, ремень...) можно было заметить его финансовые возможности. Но и для этого необходимо было стать как минимум наблюдательным. А таковых в окружении Воеводина было мало. Потому как всего себя он отдавал работе. Работал клерком средней руки в министерстве связи. Ну и попутно был владельцем контрольного пакета акций в двух предприятиях металлургической области. В свое время удачно Воеводиным приватизированными. Ну, то есть, украденными у народа.

Он мог бы, конечно, сказать, что имело в его жизни быть в последнее время.

Да он вообще о многом мог бы рассказать и без того.

Но вот выходило так, что даже начиная нечто подобное, Максимов словно бы останавливался на полпути. Вроде как и знал дорогу вперед (что уж точно - она просвечивалась в его подсознании тонким контуром), понимал, что остается позади, а в то же время как-то не спешил окончательно решиться. Может потому, что ждал чего-то другого?

Максимов ждал. Максимов умел ждать. Выросши без отца, мальчик с юных лет был большей частью поручен самому себе (мать задыхалась на нескольких работах). Однако, то ли хорошая генетика (погибший отец был академиком РАН, Валя был единственный сын 65-летнего ученого; в 75 лет академика, всю жизнь переходившего переход на зеленый свет светофора сбил автомобиль, выскочивший на красный; и 10-летний пацан остался один; еще молодая мать разом как-то сникла и постарела), то ли вмешательство каких-то еще сил-факторов, но мальчик смог оградить себя от влияния сверстников-бродяг и полууголовников, с отличием окончил школу и университет, а потом неожиданно сменил вектор интересов, и вместо физики (путь отца-академика ему уже пророчили) неожиданно стал писателем. Да и говорили неплохим...

Валентин Максимов, 34-летний мужчина высокого роста, крепкого телосложения, с кудрями черных волос, спадающих на плечи, уже десять минут ловил такси, стоя на оживленном

перекрестке, и несмотря на подсказки интуиции пройти дальше, намереваясь поймать машину именно в этом месте.

Машины проезжали мимо. В его родном городе Санкт-Петербурге было много машин. Все больше иномарок. Красивых и почти новых. Сейчас они все проезжали мимо.

Лицо Валентина не выражало ничего. Зима. Восемь вечера. Давно зажглись фонари. Лиговский проспект, недалеко от БКЗ "Октябрьская", впереди метро "Восстания", впереди-слева - Невский проспект. За спиной Валентина и чуть слева - Московский вокзал. Место с одной стороны примечательное, с другой - такое же как, как и какое-то другое. Ни больше, ни меньше. Разве что настроение у Максимова было какое-то особенное. И в чем причина такого настроения - он не знал, не догадывался, да и вообще, как-то не особенно и стремился рассуждать на эту тему. Он ловил такси. И становился зол от того, что это ему не удавалось.

Если спросить, куда он собрался ехать - Валентин бы ответил -- домой. Жил он на Пискаревском проспекте. Давно собирался выехать с этой дыры, да его писательская жизнь денег ему особенных не приносила. Писать он старался качественно. А значит издателей массовой литературы его рукописи не интересовали. В чести в стране в это время была литература иного толка. Хотя Максимов и знал, что остались те, кто ориентирован на издание литературы категории "не для всех". Его и издавали такие издатели. Причем отдельный вопрос-загадка как они находили Максимова. В сети интернет он не выставлялся. Друзьям читать не давал. Разве что какие-то отрывки зачитывал самостоятельно. Ну, может, так и разошлось о нем мнение как о писателе. Ну а дальше, пущенное по системам массовых коммуникаций оно и дошло до того, до кого необходимо. И как бы уже не было - у Максимова вышло пять книг. Он только что написал шестую (работал он в кафе на Староневском), и сейчас спешил домой.

Жил Валентин один. Когда-то, в начале его жизненного пути, у него была жена. Но уже давно жена ушла. Валентин, в пылу азарта работы над очередной книгой, ухода не заметил. Да и вообще, если разобраться, он всегда думал о чем-то более возвышенном, чем любовное общение. Хотя, бесспорно, и любил. Вернее - умел любить; знал, что это такое; ему даже одно время нравилось подобное (в т.ч. и общение в постели), но все это сейчас как бы отошло на второй, третий, последний план. Все осталось в прошлом. Все осталось в прошлом...

На него вновь нахлынули эти загадочные состояния.

В какой-то мере Томас был к ним готов. Они ведь часто теперь посещали его. К слову сказать, дальше простого посещения дело не доходило. Томас научился выставлять в своей психике барьеры, благодаря которым совсем негативные воспоминания не проникали достаточно вглубь. Фактически оставаясь на поверхности, а значит особого беспокойства (вреда) не доставляя.

А еще можно было сказать, что Томасу нравились подобные состояния. Пусть в этом он никому не признавался, но сей факт было бы слишком глупо отрицать ему самому перед собой. Потому как - как раз перед собой - Томас старался быть честен.

Томас Вульф совсем не ощущал своего возраста. И даже не то, что в 42 года казалось ему, что это слишком мало. Нет. Он вообще не ощущал, сколько ему лет. Словно бы создавалось впечатление (и это было так), что вместо цифрового обозначения возраста - некая виртуально-абстрактная неопределенность. И накрывает она сознание как раз тогда, когда вроде как и надо пропускать через сознание какую материальную консистенцию бытия.

Ну а может и не надо. Дмитрий даже не то что не знал, а попросту решил положиться на правду судьбы.

Правда, конечно, была еще та. Иной раз Томас даже с придыханием слушал внутренний голос. И даже не то, что говорил тот ему какие-то чудеса, а просто было интересно.

Проходило время.

Иной раз Томас понимал, что время затягивалось. И тогда ему хотелось, чтобы прекратилось все разом. Прекратилось все то, к чему он с таким трудом подбирался все это время. Прекратилось без какого-то восстановления, прекратилось как бы сразу и навсегда.

Возможно ли, чтобы произошло такое? Возможно. Иногда Томас говорил себе что возможно, и иногда совсем как будто и удивлялся своим недавним словам. Притом что он в который раз замечал, что так получается; что действительность уже как будто и не особенно подчиняется ему. Что он вроде как говорит, и при этом можно предположить что то, что он говорит - совсем не важно. Что он стремится достигнуть какого-то единения, но может быть выходит так, что он совсем не до конца отдает отчет - стремиться ли? Ведь вполне возможно и наоборот. Вполне возможно, что он вроде как желает чего-то такого, что, по сути, кажется лишь более-менее

загадочным, и не более. Что на самом деле получается так, что все его недавние устремления (устремления, которые еще недавно казались таковыми), на самом деле и не являются таковыми в полном смысле этого слова. Что может быть ему стоит еще раз окончательно все взвесить, предположить что-то по настоящему занимательное, и только потом он способен будет обнаружить то нечто, что все это время находилось рядом с ним. И в то же время если и было - то он самым загадочным образом это не замечал.

И вот когда наступало такое время, когда ему казалось что все это именно так - тогда Томас Вульф преобразовывался; и, изменяясь - влиял и на окружающих таким образом, что те, не замечая как - делали, порой, совсем не свойственные им поступки. Странные, можно сказать, поступки. Но и даже они, эти поступки, уже вскоре теряли весь ореол загадочности. Словно бы это было, и в то же время не было. Их - не было. Не осуществлялось.

Но тогда что было?

Подобный вопрос Томас не раз задавал себе.

Бывало, что он вдруг понимал, что такие вопросы, следующих друг за другом и повторяющиеся в непонятном величии возникновения, на самом деле ни к чему не способны привести, как только обосновать нечто, что было не только непонятно Томасу Вульфу, но и как бы понимание этого оказывалось ему безразлично.

Ну да всякое бывает.

Можно было, конечно, сказать, что в его жизни еще будет впереди.

Совсем не хотелось, конечно, сейчас ему говорить о чем-то подобном, но, наверное, так было прежде всего потому, что наметил он уже какие-то контуры своей будущей, ожидавшей его, жизни. И если даже предположить, что это все именно так, Савелий Гаркалин мог бы признать, что он верил, искренне и честно (вполне честно, если допустить в этом человеке наличие какой-то честности) считал, что сейчас, в этот момент, все как раз должно было происходить именно так. Тогда как в другой раз (он мог допустить) - будет по-другому.

Савелию на днях должно было исполниться сорок.

Возраст так себе, считал Гаркалин, притом что в своем понимании жизни он на самом деле предпочитал никому не доверять. Ну, разве что, какой случайный попутчик окажется

поблизости его зоны контактов, и тогда Гаркалин вполне может себе позволить с ним не только пообщаться на отвлеченные темы (что он проделывал не раз с еще доселе неизвестными людьми), но и что-то ему доверить.

Что доверить,-- вопрос был, должно быть, и для самого Гаркалина. Ну, разве что...

Да нет. Ни себе, ни кому-то другому этот человек с противоречивым характером наверняка так просто бы ничего не выдал. Он и мыслил то как-то слишком поверхностно. Словно бы и думал о чем, и при этом было весьма трудно понять - о чем же.

Притом что вполне возможно, что он и не думал ни о чем. Подобное действительно было возможно. Особенно учитывая, что Гаркалин человеком был весьма странным. Как, впрочем, и все те, кто должен был собраться в том странном особняке, который купил по случаю общий знакомый каждого - Томас Вулф. Томас и созывал всех.

Порфирию Ремезову было тридцать восемь.

Крепкого телосложения, с вьющимися кудрявыми волосами (иногда, впрочем, он стригся коротко) Ремезов представлял из себя типаж человека, который уверенно (излишне прямолинейно) смотрел на жизнь, верил в эту жизнь, а если что - был готов послать всех и вся - и начать сначала.

Посылал он часто. И несколько от этого не страдал. Просто этот человек как бы все время находился "на передовой". И даже вполне обычная жизнь (Ремезов, заметим, не служил в армии, но мерил жизнь военными инсинуациями) казалась ему чем-то таким, где кругом были враги.

Враги таились и ждали удобного момента для атаки. Но Сережу Ремезова не так-то просто было застать врасплох. Если он ходил по улице (большей частью ездил на машине) - то периодически оглядывался по сторонам, словно бы ожидая нападения.

Нападения все не было. Ремезов усилил бдительность. Он не то, что даже верил (или тем более желал), что на него могли напасть. Но знал, что расслабляться не стоит.

Томасу были глубоко безразличны его литературные опусы. Да, он что-то писал. Писал так, большей частью поверхностно и наскоками.

Ну и уже по всему - отчего-то считал себя (про себя) писателем. Или справедливее сказать - эссеистом.

О чем он писал? О жизни. С недавних пор Томас Вульф стал писать о всем, что окружает его в его жизни.

Можно сказать, конечно, что он и раньше писал. Но то, что он писал раньше - было большей частью не интересно даже ему самому. Тогда как сейчас ситуация пока изменилась не сильно, но он чувствовал, что в перспективе что-то ему могло и понравится.

Но и почти одновременно с подобным пониманием Томас почувствовал, что он мало что вообще понимает. Что он иногда готов срезаться на самом простом, на том, чего раньше он, может быть, и не заметил бы, да вот замечая - видел, что это все совсем даже не так. Что это могло бы выглядеть даже таким образом, что он и не замечал какой проблемы, а та на самом деле была. Была, да еще и развивалась со временем. А он... А он уже вроде как игнорировал ее...

Зачем он выдумал всех этих людей? Вероятно, считал, что в чем-то они похожи на него? Считал, что характер их - суть характера его? А если предположить что так на самом деле и было? Что он, Томас Рудольфович Вульф, общаясь с ними - на самом деле разговаривал исключительно с самим собой. Что он попросту даже намеренно заблуждался. Заблуждался, потому как, в первую очередь, так было выгодно ему. И уже если это так...

--Если это так,-- сказал себе Сеня Снегирев, то это все как минимум должно что-то значить...

--И если значит,--продолжил он,--то мне следовало более внимательно отнестись к своему состоянию... Допуская что необходим более жесткий контроль его... Потому как все может зайти слишком далеко...

Глава 6

По сути, Томас мог признаться, что ему доставляло некоторое удовольствие так жить. С другой стороны, он мог предположить, что подобной жизнью (бегом в никуда) загоняет себя.

И если это так,-- то у него уже и нет особой возможности выпутаться из того, что с таким как будто энтузиазмом - ранее он выстраивал вокруг себя.

Притом что совсем как будто это еще не говорило ни о чем. Потому что, даже то, о чем он подумал сейчас - было, по большому счету, совсем даже не так; так как - этого быть может вообще не было.

Не было, чтобы можно было раз и навсегда в это поверить. Поверить, прежде всего, ему.

Да он и не верил. Он лишь косвенно что-то предполагал. И при этом - готов был тут же взять свои мысли обратно. Ну, это разве что говорило, что он еще не выработал к этому времени какого-то единого мнения на этот счет. Зная что его, такого мнения, быть может не будет вовсе. И потому продолжал двигаться в своих размышлениях, разве что на небольшой скорости, чтобы, при случае, можно было повернуть обратно.

.....

Вульф действительно намеревался собрать своих друзей вместе. Однако, за скорым принятием первоначально пришедшей мысли, у Томаса уже наступило как бы отторжение ее. Потому что его совсем не устраивал какой-то подобный расклад. Ну а к чему он стремился - пока не ведал и он сам. Разве что мог предположить, что все складывалось более-менее удачно...

А еще он решил изменить имя. Оно и раньше ему не особенно нравилось. Притом что свое первоначальное имя он брать тоже вроде как не собирался. Ходили, конечно, подобные разговоры, да сам Томас больше склонялся к мысли, что ему незачем становиться обратно Коромысловым - после того как он отказался от Вульфа.

Сеня Коромыслов (и он же, позже, Томас Вульв) - стал Женей Знаменевым. Точнее, он подумал, чтобы стать Знаменевым, да почти тут же решил отказаться от столь звонкой фамилии (псевдонима). И на какое-то время он, было, запутался кем стать, как вдруг его взгляд упал на стоявший за окном плетень (дело было в деревне, куда наш герой приехал на время, отдохнуть от городских тревог), и он стал Плетневым. Женей Плетневым.

.....

Женя Плетнев еще какое-то время погонял фамилию от мысли к мысли, и понял, что это как раз самое то. Что такая фамилия будет весьма кстати. Да и, если разобраться, будет она выражать и его внутреннее, и его внешнее состояние. Потому как сможет он теперь зажить той жизнью, которая ему на самом деле ближе всего.

.....

В последующие дни Женя Плетнев сориентировал свою жизнь под изменения личности. Потому что любая смена фамилии, как считал Женя, должна непременно вносить изменения и в саму жизнь, и как следствие - в те отношения, которые почти непременно проецирует на жизнь личность отдельного человека.

И он стал жить.

У него вдруг разом прошли какие-то волнения души. Притом что можно сказать что он как раз с этими волнениями уже было научился совладать, но если их могло вообще не быть - так это по всему было только лучше.

Глава 7

Как ни странно, но именно сейчас, после череды произошедших с ним событий, Женя Плетнев понял, что как раз так и должно было быть. Что вот раньше-то если он и думал, что должно быть так, то это еще не означало, что должно. Тогда как вот именно сейчас -- это было самое то. Пришло (наступило) именно то время, когда уже ничего не надо было изменять. Когда он сам видел, что все должно было (чуть ли даже и не обязано) складываться именно так, а не иначе. Потому как если иначе (если допустить что так), то это было как бы уже не то. Что все в таком роде было более поверхностно, чем можно было предположить на самом деле. А вот именно сейчас он уловил тот момент действительности, который все время ждал. А вот если иначе... Если допустить, что ему еще потребовались бы какие раздумья, так ведь, рассуждал Плетнев, и неизвестно до чего он мог додуматься-договориться наедине с собой. Ведь если рассудить, именно так все и должно было быть. Потому как если только допустить определенную степень ошибочности подобных размышлений, так и будет ли так, что он в итоге это придет к тому знаменателю, какой начал образовываться сейчас? Нет, нет, --отвечал себе Плетнев; был прав он в этих размышлениях,

---

да и вообще как-то оказывалось, что ничего не надо было думать ему больше, а следовало только почти что в срочном порядке принимать подобные размышления, потому как они были самое то... А вот что-то другое?.. Да он ведь и сам опасался чего-то другого... Понимая что в этом другом мог договориться вообще не понятно до чего... потому как, если сейчас предположить, что важно становилось, чтобы было именно так, так значит так и необходимо было поступать...

Плетнев словно сразу и бесповоротно выработал для себя единую позицию, следовать которой теперь просто был обязан. Притом что он совсем был не готов так-то что-то резко в своей жизни менять... Ну разве что он всегда был готов перейти на какие-то новые рубежи своей жизни. И, собственно, искал возможности подняться, да вот... Хотя, если разобраться, Плетнев всегда их находил. Находил, преодолевал, выставлял новые рубежи, вновь поднимался, и в общем-то, был, по сути, всегда готов... Ну и ли почти всегда, понимая что это все - просто вопрос времени. Времени, которое в недавних пор работало на него. Да он за это и платил высокую плату. Не жалея себя, и работая до изнеможения...

Он, конечно, мог признать, что должен как-то иначе подойти к тому или иному вопросу.

Притом что иной раз в его голове начинало и вовсе твориться сущее безобразие. Но он всегда усилием воли сдерживал себя. Словно понимая (и отдавая себе отчет), что все еще совсем не так, как это должно было быть.

Ну и уже после этого (вроде как заретушировав саму актуальность проблемы) подходил к разрешению ее вновь. Собираясь даже увидеть нечто большее в том, что было это так.

Но не всегда, конечно, получалось так просто. Скорее даже следовало говорить о том, что Плетнев (а он как-то быстро смирился со своим новым именем, и даже иной раз размышлял: почему не взял его раньше?) решил более-менее структурировать свою жизнь. Понимая, что этой жизни необходимо, чтобы было именно так (и даже, может быть, только так). Ну и чтобы, значит, случайно не показалось ему через время, что так действовать не следует. Ну, или в том плане, что даже попросту невозможно.

Возможно. Жить так как жил он, было не только возможно, но и учитывая все происходящее с ним, как раз только так и наиболее, как ему казалось, оправданно.

И при этом было неважно, что раньше он думал иначе. Важно, что сейчас он готовился стать другим человеком. Ну а сможет ли? Это уже, наверное, другой вопрос...

Часть 2 Осмысление

Глава 1

Евгений Плетнев как-то неожиданно задумался надо всем, что происходило с ним в последнее время. Можно даже сказать, что только сейчас неожиданно он испытал что-то на вроде озарения (инсайт, сатори) всего того, что с ним происходило когда-то; и что важно - в плане переосмысления.

Но ведь какой-то частицей переосмысления он занимался и раньше. А вот только сейчас (совсем неожиданно) он понял главный смысл произошедшего с ним. И что наиболее важно - оказывалось, что он мог к этому времени прожить совсем иную жизнь.

Да, можно было предположить, думал Плетнев, что наша жизнь складывается так, как было нам предначертано. Женя знал об этом, пришел через какое-то время своих знаний к этому же, но все было, если можно так выразиться, несколько поверхностным. Так происходит тогда, когда по какому-то вопросу у вас вполне сложилась за годы определенная точка зрения, но все понятое кажется как бы более заученным, чем вы можете искренне поверить, что так и есть на самом деле. То есть через сознание вы это уже пропустили. И даже если бы кто вас спросил о том - наверняка бы даже ответили что так. А вот сами чувствовали при этом, что ни смотря ни на что, четкого убеждения по этому вопросу не имели.

И вдруг - вы словно бы в одночасье дошли до всего самостоятельно. И сразу почувствовали, что это ваше; ваше настолько, что спроси кто вас - вы не только ответили бы заучено (как вполне возможно, сделали бы ранее), а именно ответили бы с пониманием.

А это уже значит - что вас не могли бы смутить никакие вопросы, задаваемые после.

И вот также Евгений. Он сейчас вдруг понял, что у него были все предпосылки стать именно тем, кем он стал много позже после юношеского взросления - не сейчас, не недавно, а еще раньше, еще давно. Ведь что можно было говорить. Вопросы, которые когда-

---

то Плетнев рассматривал только из чистого любопытства (как бы следуя моде, принятой в том срезе социального общества, к которому он тогда принадлежал благодаря родителям), и после, что уже понятно и известно, его интересы оказались вытесненными чем-то другим; вдруг стали настолько необходимы ему, что он как-то сразу и безоговорочно признал их сферой своих научных интересов. Сразу и бесповоротно. И ведь что получилось? (Это как острым ножом пронизало его снизу доверху, словно разделив тело на две части.) Что получалось? А получалось, что Евгений Плетнев вдруг понял, что ему дано все было как бы сразу. Еще тогда, в его детстве, родители, которые, заметим, занимались в то время совсем другими научными вопросами-предпочтениями, вдруг бессознательно приобрели именно такую литературу, которую Плетнев стал читать и тщательнейшим образом изучать только сейчас. Только сейчас, а не раньше. Раньше все как бы только намечалось, да по каким-то причинам казалось ему неинтересным, а потому если он и приобрел какие-то знания по какому-то вопросу (знания, впрочем, считавшимися базовыми еще до сих пор; пока он не погрузился с всей неистовостью изголодавшегося по новой научной теме ученого в эти вопросы, и не понял, что именно это ему и нужно. Даже нет - именно без этого он теперь и не мыслит жизни.

И ведь как ему стало легко после этого... С его души словно сбросили путы, все эти годы стягивавшие его душу.

Действительно, это состояние можно было сравнивать с состоянием просветления духа, известного в восточной философии как состояние сатори, и позже получившее такое название на Западе как инсайд. Вот ведь в чем вся штука,-- заключил было Плетнев (а заключив про себя - чуть ли не воскликнул вслух), да как-то сдержался, и даже огляделся по сторонам, словно стесняясь того, что все эти годы только имитировал подобное понимание вопроса, а вот как оказалось - пришло оно к нему лишь только сейчас...

Время, которое должно было начаться сейчас, по всем параметрам могло считаться счастливым. И даже то, что он знал, что еще через какое-то время он уже не будет так все чувствовать, а само чувство даже притупится немного,-- подобное несколько его не огорчало. Да и как оно могло огорчить его, если был он уже не молод; и знал, что открывшиеся в его возрасте знания - окажутся теперь с ним навсегда. Что ему не потребуется еще через какое-то время открещиваться от них, изменяя себе, потому как слишком долго он шел к этой истине, и мог идти еще столько же, а не дойти. А тут как бы сейчас все и свершилось.

Глава 2

Несмотря на видимость какого-то понимания, Плетнев, тем не менее, явно чувствовал, что в основных вопросах он еще достаточно держится ошибочных позиций. Вернее, тут дело обстояло так. Сам он чувствовал тот пиетет, которым выражалось отношение к нему со стороны окружающих. Но и при этом получалось, что как раз подобное вызывало у него значительное эмоциональное напряжение; требовало постоянного нахождения как бы "на взводе", с постоянным контролем сознания. Словно находился он все время не в Ленинграде (переименованным во времена демократом в Санкт-Петербург), а где-то на вражеской территории. Что предполагало наличие сильных эмоциональных затрат. А значит становилось возможно, что наступит когда-нибудь и провал. Его раскусят. Деятельность его будет признана антиобщественной. А для самого Плетнева тогда все действительно закончится.

Евгений не мог такого допустить. Потому стремление просчитать все и вся, необходимость держать в памяти огромное количество информации, необходимость, прежде всего, оценивать, анализировать большое количество информации,-- в свою очередь как раз и накладывало подобный отпечаток на него. Словно бы вынуждая Плетнева продолжать пребывать в таком же, как и прежде, варианте соотношения своего внутреннего мира с реальность мира окружающего. И как бы ничего не предполагалось, что изменится.

А еще подумал Плетнев, что окружающие, быть может, и спокойны, что это так. Ведь психика большинства из людей так устроена, что становится значительно легче думать не самим, а выполнять то, что надумали другие. И потому как бы уже необходимо при возможности смотреть на ситуацию в несколько другом ключе. Как будто все что происходит - как раз и происходит именно так и именно потому, что прежде всего так необходимо с позиции взгляда кого-либо; тогда как с позиции взгляда другого, хоть и будет казаться иначе, а все же может быть это и не совсем будет так, если посмотрит на существующее положение дел кто-то третий. Ну а четвертый наверняка увидит и вовсе нечто иное да непонятное.

Плетнев не стремился к усугублению ситуации. Он словно бы и понимал, что во всем происходящем есть какой-то свой особый взгляд на положение дел; и если он сейчас что-то видит не так, это на самом деле так и должно быть. Потому что означает, что сознание его развито именно в той степени, чтобы увидеть все так, а не иначе. Мол, если иначе - так может и не сможет он тогда в правильном ключе проанализировать текущую ситуацию. Хотя и сможет позже, когда настанет соответствующий момент. И вот тогда он окажется готов принять все как раз так, как и будет необходимо тогда.

Он, конечно, замечал, что иной раз все в его жизни невообразимым образом затягивается. Но уже с другой стороны можно было предположить, что как раз так это и было надо. Надо, прежде всего, ему. Потому как именно его психике требовалось время для адаптаций к новому уровню (повышению уровня) его сознания. Ибо с каждым месяцем и годом (а иной раз и с каждым прожитым днем) Плетнев замечал, что переходит (или как минимум продвигается) на новую ступеньку в иерархии восприятия жизни. То есть восприятия как себя в отношении жизни, так и жизни - в отношении себя. И при этом, что уж точно, не нужно было ему останавливаться. Потому как природа в любом случае все расставит со временем на свои места. Особенно если будет чувствовать, что где-то происходит некий перекося ситуации. И может кто-то другой остановился бы, а то и, спохватившись, сделал шаг назад, но совсем не таким был Плетнев. Совсем не таким, так же как, должно быть, таким он и не был никогда.

Конечно, он мог бы сказать, что еще совсем, быть может, и не было ничего ясно ему. Потому как верил, что если тайна существует - когда-нибудь она окажется раскрыта. Если же он запутался (готов был запутаться), то как бы тоже знал, что через какое-то время сможет разобраться в ситуации.

--Но ведь он уже разобрался,--утвердительно подумал Плетнев о себе.

Но несмотря на окончание размышлений, радости это особо не прибавляло.

И при этом Евгений каким-то шестым чувством угадывал великое событие, участником которого, по всему, он должен был стать в ближайшее время.

--Однако, так ли это?-задумался он, и от неожиданности вопроса застал сам себя врасплох.

--Этот не так,--поспешил было добавить он (чтобы как-то "отпустило"), да при этом почувствовал, что все на самом деле не так

просто. И если еще недавно можно было предположить, что Плетнев мог хоть о чем-либо сказать что-то более-менее конкретное, то теперь все оказалось весьма поверхностным, и как бы уже не настоящим.

--Скажи мне,--услышал Евгений голос своего знакомого, Ивана Мирбаха.-Скажи мне,--загадочно сощурился Иван, рассматривая Плетнева.-Как тебе живется в новом обличье?

--Что ты имеешь в виду,--спросил, было, Плетнев, да тут же понял, кивнул, улыбнулся, и оглянувшись по сторонам, как будто собираясь увидеть кого-то еще (не увидел), внимательно посмотрел на Мирбаха.

Иван Мирбах был слегка одутловат ("то ли пил, то ли почки",-- подумал Плетнев), имел средний рост, обильную шевелюру, всегда ходил в одном и том же костюме, да и вообще, по всему был редкий зануда.

Впрочем, об этом он знал, и потому старался при случае создать о себе иное представление.

Иногда получалось.

Но в большинстве случаев его воспринимали таким, какой он был, а потому общались весьма неохотно и в случаях, как говорится, вынужденной необходимости.

--Так что ты имеешь в виду,--все же спросил Плетнев, видя что Мирбах молчит, продолжая рассматривать его.-И все же,--вопросительно вскинул брови Евгений, делая удивленное лицо от молчания товарища.

--Я имею в виду изменение твоего образа,--просто сказал Мирбах, отвернулся от Плетнева, пошарил в кармане пиджака, извлек от туда смятую сигарету, прикурил, медленно выпустил струйку дыма, и быстро потушив сигарету о зажигалку, собрался уже было уходить, и Плетневу ничего не оставалось, как попреридержать приятеля за рукав.

--Ты куда-то это собрался?-поинтересовался Плетнев.-Так редко приходишь, и уже собрался уходить.

--Нет, правда, у меня дела...--начал мямлить, оправдываясь, Мирбах.-Видишь ли,--неожиданно четко произнес он, развернувшись к Плетневу.-Меня ждут.

--Ждут?-не понял Плетнев.-Кто?.. Кто тебя ждет, если все знают, что ты пошел ко мне?

--Кто знает?-не понял Мирбах.

--А ты разве никому не говорил?-улыбнулся Плетнев, и в этой улыбке было такое понимание, что Мирбаху на мгновение стало

стыдно за всю свою жизнь... На мгновение, потому как он тут же взял себя в руки.

--Я никому ни о чем не говорил, и не понимаю о чем идет речь,--четко ответил Мирбах.-Если у тебя нет больше вопросов я бы хотел идти. У меня еще действительно дела.

--Да какие у тебя могут быть дела?-усмехнулся Плетнев.

--Ну, знаешь,-- скривился Мирбах.-Это уже, брат, переходит все границы.

--Нет, ну правда,--улыбнулся Плетнев.-У тебя разве много серьезных дел, которые при том необходимо делать именно сейчас? Ведь скажи - ты же шел ко мне чтобы...

--Я уйду,--перебил его Мирбах.-И впредь тысячу раз подумаю, прежде чем к тебе придти.

--Ну и проваливай,--взорвался Плетнев.-Я тоже уйду,--и повернувшись, он зашагал в другую сторону, отмеривая шаги своими длинными худыми ногами...

Разобравшись таким образом с товарищем, Плетнев подумал о том, что ему впредь следует аккуратно выбирать знакомых. Тем более дружить с кем-то. Потому как совсем еще не вопрос, что для дружбы подходят те, кто льстят, в поиске получить что-то от вас, а после предать, уйти, а то и вообще подложить гадость.

И в тоже время все внутри Плетнева сопротивлялось против того, чтобы считать до конца так. Ведь если разобраться, вполне можно по ошибке испортить отношения с теми, кто по дружески к нему относятся. Причем сама дружба, как он полагал, понятие более условное, и в первую очередь из-за размытости границ понятия дружбы. Но вот что уж точно,-- Плетнев убедил себя в который уж раз стараться в разрешении каких-то вопросов полагаться на интуицию. Справедливо полагая, что она поможет ему выйти на необходимые рубежи.

Глава 3

Закончив с вопросами, Евгений Георгиевич Плетнев понял, что ему в который уж раз необходимо продумать характер собственных действий. Хотя бы потому, чтобы меньше попадать впросак, как это бывало раньше. Но и даже не это было сейчас главным. А все дело в том, что Плетнев вынужден был признать (пока сам себе), что все последнее время находился на элементарном излете сил да возможностей. И если о каком-то отдыхе на самом деле

можно было только мечтать, то, что уж точно - он должен был (даже обязан) делать периодические остановки, чтобы скорректировать курс движения. Движения по жизни. Жизни, которая все чаще предъявляла какие-то новые сложности на пути реализации плана собственных достижений. Что, по сути, иной раз несколько Плетнева удручало. Но он не показывал вида.

А еще он заметил, что устал вести двойную жизнь. Ведь, по сути, это только поначалу походило на игру, а сейчас необходимость продолжать следовать определенным правилам скорее удручала, чем приносила какое-то успокоение его душе.

Подумав, Плетнев было решил сказать "его израненной душе", да еще раз подумав, решил ограничиться сказанным. Сказанным самому себе. Он часто теперь разговаривал в собой. И не то, что находил в этой какую-то отдушину, скорее ему было спокойнее когда так...

Нельзя было сказать, что Женя Плетнев так-то уж терялся во всем или во многом.

Можно даже предположить, что, несмотря на то, что у него имелось почти на все свое мнение, он тем не менее старался обратить внимание на мнение окружающих. Ну, то есть, уже получается, подстраивался под них.

Хотя и если кто-то считал, что все именно так, значит такой человек как минимум заблуждался. Потому как всегда и во всем Женя вел свою игру. И она уже даже не была двойная или тройная, а измерялась нными степенями. Тогда как можно было только удивляться, как ему удавалось помнить все и вся.

На самом деле не помнил. Ну, или почти не помнил, но по наводящим мыслям-вопросам быстро вспоминал. И уже можно было сказать, что совсем не было у него проблем (если по ошибке считали так другие). А быть может наоборот, со временем Жене удалось выстроить такую схему, благодаря которой они мог находиться в относительной способности к противостоянию различным и многочисленным факторам внешней среды. Причем, даже можно предположить, чувствовал себя явно победителем. Ну, так выходило.

Глава 4

Валентин Петрович Беговой задумал помочь Плетневу разрешить внутренние противоречия. Причем Беговой, казалось,

---

совсем не желал слышать Плетнева, когда тот, скоромно улыбаясь, успокаивал Валентина Петровича что все у него в порядке, что проблем нет, что он...

--Ты мне этого не рассказывай,--мягко перебивал его тогда Беговой.-С позиции прожитых лет могу сказать, что вижу много больше, чем кто-то это пытается представить.

--Думает о чем?-поинтересовался Плетнев.

--Думает о жизни и о себе в этой жизни,--не моргнув глазом, парировал Беговой, который то ли действительно видел больше остальных, то ли ему было удобно так считать. Но уже как бы то ни было, он знал, что мало кто из окружающих может ему составить конкуренцию. А значит - строил жизнь в соответствии с этим знанием. Словно бы не допуская ("не допуская сознательно",--считал Плетнев), что найдется кто-то, кто станет опровергать тезисы Бегового о жизни. О жизни, и о роли отдельного человека в этой жизни.

На самом деле уверенность Бегового в том, что касается жизни, была весьма относительна, и зиждилась лишь на выстраиваемых в определенном порядке схемах, выработанных в течении продолжительной жизни Валентина Петровича. Тогда как, если выбить Бегового из привычной колеи жизни,--подумал Плетнев,--то и окажется, что, собственно, Беговой такой же простой человек, как и остальные. Ничем особым, то есть, не примечательный.

Однако Валентину Петровичу не хотелось так просто отпускать Женю Плетнева. Можно даже сказать, что Беговой по отношению к Плетневу продолжал выстраивать определенную схему, которая должна была в итоге... Ну, тут у Плетнева мысли расходились. С одной стороны ему казалось, что Беговой подтаскивает его в ловушку (но при этом была непонятна цель, и не было ответа на вопрос: зачем?), с другой, у Плетнева создавалось впечатление, что Беговой просто дурачится, весело проводя время в поисках заговоров да взаимопомощи, а на самом деле ничего такого ему не надо, и если он и думает о чем, так только лишь о том, чтобы ему не было скучно прожить остаток жизни. Хотя и судя по комплекции Бегового можно было предположить, что этот остаток будет еще более чем значителен.

В общем, были у Евгения Плетнева сомнения по поводу всего. Но и в то же время можно заметить, что ему вообще, по сути, нравилось сомневаться. Это как бы вошло у него в привычку, ведь известно, что если на протяжении какого-то времени делать что-то

одно (даже если при этом вам ясен ложный характер и общая ненужность этого), то еще через какое-то время окажется, что вам вроде как уже ничего и не остается, как признать, что то, что вы делали - правильно. И даже если не правильно, все равно избавиться от подобного достаточно сложно (а то и невозможно). Потому как за это время отложилась некогда ложная информация в памяти. А значит, бессознательно, подобное уже начинается трансформироваться в поступки. Оказывая косвенное влияние и на возникающие мысли да желания.

Иной раз у Плетнева от подобных размышлений шла кругом голова. И ему вроде как и удавалось отслеживать всю цепочку размышлений, да при этом стоило заметить, что было это, в общем-то, и не до конца так. Потому как почти обязательно находилось нечто, что пока только уводило Плетнева в сторону. Словно бы рассчитывая, что пока молодой, у него еще будет время вернуться, чтобы завершить начатое.

--Ну да когда это случится,--думал тогда Плетнев,--и казалось ему, что может уже и некогда не будет. Может и не будет некогда,--повторял он, и становилось ему грустно от того, что это так. Грустно, но ничего не мог он поделать с собой. И только проходило еще какое-то время, и Евгений Плетнев и на самом деле забывал причину недавних сомнений да вероятных страданий.

И уже укрепляло его в мысли, что никогда ничего страшного не произойдет. Потому как мозг сам выдаст правильное решение, когда это потребуется. А до поры до времени можно не переживать. Или,--вспомнил Плетнев слова Дейла Карнеги,--жить в отсеке сегодняшнего дня.

--Это действительно так,--повторил Евгений, и окончательно успокоился.

Глава 5

Могло показаться удивительным, но когда вопрос заходил о женщинах, в первую очередь об отношениях с ними, Евгений Плетнев изменялся, становился другой, чем то было раньше.

Потом, конечно, такое его состояние проходило, но вот когда начиналось оно, Плетневу казалось, что как раз именно сейчас он во что бы то ни стало должен сделать соответствующие выводы о происходящем. И если разобраться...

В общем, Плетнев понимал, что эти выводы ему делать не следует. Понимал, что даже если и совершит что-то подобное, то такие умозаключения уже через время покажутся ему весьма ошибочными. Да и не нужными, в общем. Тогда как во время возникновения оных, словно бы наоборот, все в нем протестовало против какого-то его бездействия. Вынуждая садиться и размышлять. А еще лучше, когда свои размышления записывать.

Получалось так, что Евгений большей частью запутывал себя. Он сам понял что запутывает. Понял, что должен действовать в ином направлении. Должен постараться если и разобраться с происходящим, то сделать это так, чтобы не становилось ему мучительно больно за то, что думает он именно так, а не иначе.

--Но уже если и попробовать думать иначе,--знал он,--все равно как бы ничего и не выйдет. Так, родиться быть может какой бред, за который через время ему станет стыдно. И если это действительно так,--подумал он,--то получалось, что и думать о чем-то похожем ему не следовало. Потому как подобное будет ошибочным.

И как только заключал он так, почти тотчас же успокаивался и думал о другом.

Но вот вопрос, что мысли эти "о другом" все равно находились в спектре недавних размышлений.

Но он уже не мог иначе. Старался, конечно. Многое при этом отбрасывал из собственных размышлений. Отбрасывал то, что ему казалось не нужным, и может даже и вредным. Но, как он догадывался, необходимо было ему начинать мыслить в ином ключе.

Но не получалось. Иного ключа у него не было. А от того он, иной раз, и вынужденно бездействовал. Совсем теряя суть происходящего, и даже немного переживая из-за этого.

Евгений Плетнев решил, что, по большому счету, он должен почти срочно предпринимать нечто, чтобы структурировать свои мысли. Он и раньше находил, что это нужно было сделать. Да словно все время находилось нечто, что отдаляло миг начала подобного шага, претворения в действительность всего запланированного.

То есть словно бы все время находилось нечто, что мешало.

Случилось это и на этот раз. Стоило Евгению как будто уже и решиться на какие-то действия, как он узнал новость, что действительно остался один, и все его недавние знакомые да товарищи каким-то образом настолько занялись каждый своим

делом, что, как прикинул Плетнев, не общался он с ними уже достаточно долго. И... решил больше вообще не общаться.

Часть 3 Откровения

Глава 1

Сейчас практически невозможно в полной мере прочувствовать всего, что было тогда. Тогда Плетнев был другим человеком. Он вообще мог теперь сказать, что жизнь его делилась на практически равные отрезки, во время которых он мог позволить себе становиться совсем другим. И даже несколько становиться... Уже получается, что как раз тогда, когда происходили те или иные события жизни, Плетнев действительно искренне верил, что он такой, какой есть.

Задумывался ли он, почему все именно так? Вероятней всего задумывался. Мог ли изменить ситуацию? Мог. Вернее, если мог - изменил бы сразу. Потому что верно было то, что в каждом своем жизненном периоде он был не удовлетворен им. Стремился, чтобы стало все как-то по-другому. Но вот не находил той истины, которая как раз тогда должна была быть. Не находил, но стремился.

.....

Тогда Евгений Георгиевич еще не был таковым. Его вообще звали по-другому. Это уже позже, желая избавиться от прошлого, он последовательно менял свои имена да фамилии. Надеясь, что это сможет уберечь его от того, что незримо довлело над ним, фактически уничтожая, и не позволяя перейти на следующий этап.

А ему во что бы то ни стало необходимо было переходить на следующий этап. Видел он в этом нечто, без чего попросту не сможет продолжать движение вперед. Тогда как он просто обязан был идти вперед. Обязан, несмотря на предательский внутренний голос, старавшийся (подобное Плетнев иногда предполагал) уберечь его от излишних душевных потрясений; но что ему, по большому счету, было до них, потому как он уже увидел ту жизненную цель, к которой должен был стремиться; подтягивая под эту цель и соответствующие жизненные позиции, без которых попросту уже не мог. Вернее, на каком-то жизненном этапе оказалось что не может. А тогда, когда случалось все это, он не видел истинного пути.

Понимая, что, по большому счету, хоть он и не обязан был ни перед кем отчитываться, тем не менее это движение вперед было, быть может, именно тем, что заставляло его жить с учетом будущего. Того будущего, которое он приближал. Будущего, которое еще было настолько далеко, что до конца никак не могло выкристаллизироваться. Хотя и, знал он, что достигнет его.

.....

Жене Плетневу становилось порой невероятно трудно от того, что он вынужден был разрываться между прошлым, настоящим, и пока что эфемерным будущим.

А еще ему было невероятно трудно осознавать, что по настоящему о нем никто ничего не знает. Не знает, какая была у него жизнь. Люди мыслят штампами да стереотипами, знал социолог Плетнев. Поэтому, анализируя достигнутое им к моменту существующих лет, вполне было разумно, в их понимании, что это и так сравнительно много. При этом на первом месте в том, чтобы считать так, был как раз недостаток информации. И это в какой-то мере радовало Плетнева. Да он и предпочитал до поры до времени попросту не объясняться о том, что с ним происходило когда-то. Допуская, что если когда-либо и придется об этом сказать, то к тому моменту он будет уже совсем на других социальных и жизненных позициях. А значит, произошедшее окажется воспринято в контексте той жизни, которой он будет жить к тому времени. Потому как только уж очень ограниченный человек,--считал Плетнев,-- может судить о судьбе человека по жизни прошлой, совсем не считаясь с жизнью настоящей, то есть той, которая произошла в будущем после когда-то совершенного таким человеком. Есть, конечно, некоторые отступления, которые касаются совершения таких поступков, которые простить нельзя даже со временем. Но что до Плетнева, то таких в его жизни не было. Что и позволяло ему стремиться забыть свое прошлое. Прошлое, когда он еще выбирал жизненный путь. И даже не то что выбирал, а, скорее, примеривал на себя ту или иную маску. И отчего-то стремился соответствовать ей.

Сейчас Плетнев находился в том возрасте, когда он с полным правом мог надеяться, что будут судить его по поступкам настоящим. А в настоящем он шел к цели семимильными шагами. В настоящем он четко (или как минимум бессознательно) осознавал, что он должен достигнуть; что обязан был сделать для этого; что вообще планировал совершить.

И пока все практически точно находилось в ключе уже совершаемого им в настоящем времени. Потому что не стремился Плетнев пока перепрыгнуть через себя. Он раньше, может, и пробовал сделать нечто подобное, да сейчас даже не думал о чем-то таком. Рассудив как бы раз и навсегда, что стремление идти вперед - и есть как раз то, что ему необходимо.

Глава 2

Плетнев понимал, что многое, что еще только намечалось в его жизни, вполне могло никогда и не произойти. И даже в какой-то мере он иногда желал этого. словно бы допуская, что подобное, конечно же, возможно. И в тоже время, стремясь сделать максимально много, чтобы не допустить жизненных ошибок.

Хотя и переиначивать судьбу он тоже не хотел. Стремясь, иной раз, сделать все, чтобы жизнь продолжалась так, как она и должна была идти. Без потрясений, а если же случались они - с анализом произошедшего.

Порфирий Ремезов мучился от накатывавшего на него безумия. Внешне это был вполне обычный человек, среднего роста и комплекции, работал на государственной службе чиновником средней руки, жил один, было ему 35 лет, волосы носил средней длины, аккуратно зачесывал их спереди, ходил всегда в костюме, в общем, почти не представлял собой ничего особенного, разве что иногда кричал как бешенный, хотя и разрешал себе это только оставаясь один, и когда рядом никого не было, чтобы, значит, себя не скомпрометировать.

Но вот совсем недавно с Ремезовым стали происходить метаморфозы. Из внешне совсем уж усредненного человека, стал постепенно превращаться он в этакое чудовище. За ним стали замечать грубость в отношении других. Теперь он мог наорать на кого-то в присутствии других. Мог начать вдруг проклинать кого-то, причем делал это столь убедительно, что каждый в прототипе виновника гнева Ремезова угадывал себя. И ведь не то, что столько вокруг Ремезова было мнительных людей. Хотя возможно, что на его пути как раз и попадались такие. Потому что вполне случается так, что притягиваются антиподы по характеру. И это значило, что вокруг Ремезова можно было заметить достаточно много откровенно ущербных людей. Которых чем-то Порфирий бессознательно

притягивал. И при этом что наверняка, никто бы из них в том не признался.

Среди тех, кто в последнее время тесто сошелся с Ремезовым, стал Иван Мирбах.

Мирбах, казалось, еще больше округлился. Волосы он уже давно перестал стричь, и только подвязывал те в одну косичку. И только когда напивался (Мирбах пил), косичка расплеталась словно бы сама собой, и тогда мирбаховские патлы обволакивали лицо и плечи, покрывая также верхние части спины и груди.

И казалось, что перед вами не подобие человеческого, а какое-то чудовище из средних веков.

В школе Мирбах увлекался историей. Вообще же Мирбах читал много, и как бы иной раз казалось, что чтение это имело более беспорядочную основу, чем то вообще могло быть; учитывая, что Мирбах был, в общем-то, развитой личностью, имел высшее образование, регулярно посещал библиотеки, почти совсем не встречался с женщинами, не желая себя, видимо, сковывать какими-то отношениями. Хотя и соседи Мирбаха (он жил в коммунальной квартире на Васильевском острове) знали, что спускается к нему иной раз соседка с верхнего этажа, одинокая дама сорока с небольшим лет. И как только происходит так, Мирбах закрывается с соседкой в своей комнате, и какое-то время их не видно, потом соседка уходит, а Мирбах почти всегда после этого поет. Негромко так, в полголоса, скорее даже поскуливает, но соседи люди привыкшие, да и к тому же к Ивану все относятся хорошо, немного даже жалея его за какую-то особую русскую придурковатость.

Что Ремезов находил в Мирбахе (они ведь общались), оставалось загадкой для многих. Но, наверное, еще большей загадкой было, что находил в обоих Плетнев.

Но факт оставался фактом: Евгений Плетнев весьма охотно строил отношения и с тем и с другим. Они даже возводили что-то на вроде маниловских прожектов. Каждый про себя при этом понимая, что чему-то подобному не суждено осуществиться никогда. Но - мечтали.

.....

Всеволод Валерьевич Воеводин тоже мечтал.

Мечты, правда, были у него специфические. Мало кто что-то знал об его истинном финансовом благосостоянии. Хотя и заметим сразу, что он действительно был достаточно обеспечен, пусть и не настолько, насколько ему приписывали (миллиарда у него не было).

О чем мечтал Воеводин? Мечтал он о главном. О том, что когда-нибудь люди станут по настоящему любить друг друга. Исчезнет вражда и агрессия. Общество в большей мере повернется лицом к простым людям.

Как ни странно, но богатство Воеводина совсем не сделало его черствым к другим. Совсем нет. Он по-прежнему оставался простым человеком, и даже в иные разы - каким-то излишне грустно-задумчивым.

И даже можно сказать, что достаточно многие пытались раздумывать над тем, каким образом Воеводину удастся множить капитал? А то, что тот множился - было фактом как бы и не требующим доказательств. И разве что только по виду Воеводина не было заметно что он является очень обеспеченным человеком. Кто-то даже думал, глядя на Всеволода Валерьевича, что тот ведет большей частью показную жизнь. И на самом деле ничего "такого" у него нет.

Было. У Воеводина были деньги. Много денег. Он коллекционировал автомобили иностранных производителей (парк машин держал во Франции, где у него был свой загородный дом на северо-западе страны, на полуострове Бретань, известного своим ровным климатом без снега зимой и без особой жары летом). Но вот деньги деньгами, но может и они, и главным образом жизнь, которую он подчинял своим заработкам, заставляли Всеволода Валериевича мечтать о простом человеческом счастье. О работе пять дней в неделю с утра до вечера служащим на какой-нибудь небольшой - и не очень ответственной - должности. Мечтал о стабильных двух выходных, во время которых мог бы спокойно посидеть, развалась в кресле, или лежать на диване, пить пиво, смотреть телевизор, взять, когда чувствовал себя не очень, больничный,-- в общем, Воеводин мечтал о том, чего он себя давно уже лишил. Лишил необходимостью сначала нажить капитал, а потом его не потерять, и приумножать.

И ведь действительно, не было у него возможности вести другую жизнь. А то и наоборот, как только начинал он слишком серьезно думать об этом - тот час же начинал его преследовать страх что может он все потерять. Потерять разом и бесповоротно.

И видимо это заставляло Воеводина стремиться достигнуть большего, чем было. Вынуждая все время находиться с опущенным забралом и поднятым мечом.

А помимо необходимости защитить миллионы - необходимо было те еще и преумножать. И быть может действительно заработать миллиард, который, как знал, ему многие приписывали.

Глава 3

Так вышло, что друзья-товарищи Плетнева решили помочь ему разобраться в происходящем.

--То ли Беговой растрезвонил,--подумал Плетнев,--то ли Мирбах, но...

Этим "но" было то, что однажды в квартиру к Плетневу пришли в одно и тоже время Савелий Гаркалин, Фирсов, Максимов, и Порфирий Ремезов. Причем могло показаться загадкой какая договоренность между ними была достигнута. Но уже сама попытка подобной помощи,-- как понял Плетнев,-- есть своеобразное начало конца. Что совсем скоро и подтвердилось. Потому как после той совместной встречи расстались бывшие друзья. И стали они на самом деле бывшими, потому как разом разошлись их дороги.

И не существовало ничего, что могло бы изменить подобное обстоятельство.

.....

Вася Васин любил жизнь во всех ее проявлениях.

На вид он был молодым человеком, пил умеренно, курил скорее по настроению чем по необходимости (именуемой зависимостью), девушек любил красивых, машины уважал заграничные, учился на последнем курсе престижного института, в общем, все вроде как в его жизни складывалось так, как ему хотелось. Но в то же время чувствовал Вася какой-то душевный дискомфорт. От которого иной раз становилось ему весьма и весьма грустно да тоскливо.

Вася был студентом Плетнева. И получалось так, что они каким-то образом весьма сблизились. Причем если поначалу подобной дружбе словно бы мешал социальный статус обоих (один учитель, другой ученик), то совсем скоро (и как-то ненавязчиво) эта грань стерлась, и стали они просто хорошими друзьями.

И уже может быть отношения между ними стали бы развиваться в русле, нужном обоим, как Вася внезапно исчез. Плетнев еще, было, какое-то время пытался искать его, да вскоре понял, что это может быть и не нужно. Не нужно еще и потому, что Евгений Георгиевич в который уж раз достаточно явственно убедился, что ему действительно никто не нужен в его взаимоотношениях с жизнью. Убедился настолько, что в какое-то время инстинктивно ожидая что кому-нибудь понадобится - искренне боялся этого. У него даже стало развиваться что-то на вроде некоторых проявлений фобических зависимостей, да успел взять себя в руки.

Плетнев знал, что ему всегда становится легче, когда он оказывается среди толпы. Он посмотрел программу городских соревнований, нашел спортивное мероприятие, и срочно поехал на стадион. Для него важно было окунуться в гущу народа, в толпу. Там - верил он -- исчезнут все его недавние страхи да волнения. А ему станет легко да свободно.

После недавнего предательства друзей...

--Хотя нет,-- даже остановился Плетнев, закуривая, чтобы скрыть от прохожих свою внезапную остановку.-Нет,--повторил Плетнев еще раз, и медленно пошел дальше.

Он уже понимал, что предательства не было, потому как на самом деле именно он управлял тем, что происходило подле него. Пусть все он и не мог предусмотреть, но старался; словно бы ненавязчиво закладывая в подсознание других паттерны того будущего поведения, которое те, по его разумению, когда-нибудь должны были совершить.

И при этом он понимал, что не всегда и не все может предсказать да предусмотреть. Потому как случались в его жизни такие случаи, которые, казалось, словно бы и не несли в себе связи в его прошлыми поступками. А вот ведь знал Плетнев, что любое наше будущее - следствие поведения в прошлом. Из-за чего словно бы и совсем не мог обманывать себя. Тем более что никогда особо и не пытался, зная что, во-первых, не получится, а во-вторых - в последующем будет все равно делать все, чтобы вернуться назад, и пройти путь заново. А значит - делать так совсем не стоило изначально.

Да он и не делал. Запутывался иногда, это да, случалось. Но вроде как не больше. Где-то на полпути отступления от курса - он производил корректировку. И возвращался на исходную, откуда и

начинал свое движение как бы уже заново. Помня при этом - о неудачном опыте.

И вот ведь что было интересно. Несмотря на то, что Плетнев понимал причины происходящего с ним, тем не менее он не оставлял надежды, что подобное как бы больше не повторится само. Причем, что было удивительно - искренне в это верил.

Даже сейчас он подумал, что можно просто отпустить ситуацию. И уже позже подойдя к ней - увидеть то недостающее в мозаике происходящей ситуации, что он упустил.

Подумав об этом, Евгений одернул себя. Он не хотел возвращения к прошлым ошибкам. Не хотел, чтобы проходило время его жизни, а он все оставался на том уровне жизненного развития, которое не позволяет ему подняться выше. А поднимаясь - сбрасывает назад.

--Это так не может продолжаться,--услышал Плетнев голос судьбы, и решил именно с этого раза начать изменять ситуацию.

Прежде всего Плетнев был намерен не оставлять на потом то, что можно было решить сейчас. Он и раньше об этом знал, но как-то всерьез не задумывался. Потому и получалось, посчитал он, что тогда, когда еще можно было ситуацию исправить - игнорировал. А когда возвращался к ней - становилось поздно. И он продолжал жить, делая вид, словно ничего не происходит. О том же, что происходило - старался забыть.

Но вот судьба, как понял сейчас Плетнев, играла в жизнь по своим правилам. А потому это только он полагал, что далеко ушел. На самом деле он практически остался стоять на месте в своем развитии. И желание успеха у него только присутствовало. Но сам успех если и был, то совсем не такой, понял Плетнев, как он мог быть на самом деле. А потому...

А потому он благодарил судьбу за то, что понял это сейчас. Понял, что и как он должен делать, чтобы явно уменьшить жизненные трудности-потрясения. И если это действительно так, то...

В общем, Евгению Плетневу внезапно открылись те жизненные законы (часть из них), которые раньше как будто оставались недоступны.

Глава 4

Несмотря на видимость понимания ситуации, Евгений Плетнев чувствовал, что как раз самый потайной смысл

происходящего ему до сих пор не открылся. То есть он уловил контуры его, но серьезного удовлетворения от этого не получил. Да и, по большому счету, перед ним вообще часто в последнее время возникал вопрос-загадка. Он даже, можно сказать, искренне желал какого-нибудь разрешения происходящего в нужном ему ключе, да вот если брать по совести,--задумался Плетнев,--так он ведь и на самом деле серьезно задумался: стоит ли ему вообще жить так, как жил он раньше? Или требуется во что бы то ни стало менять ("принципиально, уже получается",--сказал себе Плетнев) такую жизнь. Срочно выискивать какие-то новые пути-откровения, и спустившись или поднявшись (в зависимости от ситуации) по ним, взирать на происходящее откуда-нибудь со стороны. Так безопасней.

.....

Сложно было сказать, насколько Евгений на самом деле все понимал, и главное - верил в подобное понимание. С одной стороны, он чувствовал, как подбирается к нему то зло, с которым он не знал как бороться, потому что исходило оно изнутри него, из тех неуправляемых сознанием процессов, которым можно только подчиниться, или надеяться что со временем они изменят свой бег по вертикали.

С другой стороны, Плетнев фактически понимал, что многого ему попросту пока и невозможно понять. Какие-либо усилия его фактически только направляли это движение вперед. Но совсем не изменяли то его состояние, которое по-прежнему продолжало главенствовать над ним, несмотря на возникающее у него сиюминутное желание изменить ситуацию к лучшему.

Это и действительно было так. Забег, который начал Плетнев по жизни, на самом деле означал бег по кругу. И в этом движении ему только казалось, что он проходил, оставляя их позади, какие-то этапы. На самом деле ничего подобного не было. А если и намечалось, то почти тот час же прерывалось. После чего наступало затишье.

Но он заставлял себя. Он отчего-то верил, что на самом деле ему будет возможно сделать так, чтобы впредь больше никогда не волноваться.

Но он ошибался. Он сам знал, что ошибается. Как знал и о том, что пройдет еще какое-то время, и ему придется возвращаться назад. Такая жизнь.

Мог ли он, конечно, послушаться внутреннего голоса? А ведь тот говорил ему много нелепостей. Вернее, это раньше Плетнев воспринимал их за нелепости. Теперь же ему захотелось взглянуть на происходящее другими глазами. И как понял Евгений, будет с тех пор казаться все ему совсем даже не так, как раньше.

Хорошо это было или плохо, Евгений пока не знал. Но он уже смирился с тем, что жизнь все время идет вперед, лишь косвенно считаясь с ним. Скорее даже происходит так, что сначала происходит движение вперед, сам Плетнев замечает это позже, а, заметив - сознание его словно бы без воли его - начинает выражать свое одобрение. Так что проходит еще какое-то время, и Плетнев - будучи справедливым к себе всегда - признает, что все происходящее (ранее вроде как и не одобренное им) на самом деле ему более чем необходимо. Ну а то, что раньше он противился наступлению его, так это действительно было так. Несерьезно, что ли.

.....

Плетнев все больше стал замечать, что он действительно изменяется. Порой эти преобразования жизни или судьбы заставляли его врасплох. Порой были настолько ожидаемы, что Евгению Георгиевичу оставалось только констатировать факт. Допуская, что то, что приходит таким образом - ему необходимо. И даже более - он без этого не может.

--Совсем не может,--говорил тогда себе Плетнев, и в душе его расцветали розы.

Он всегда стремился сохранить подобное расположение духа. Конечно, при этом он вполне мог бы и признать эксперимент над собой неудавшимся. Но в том-то и дело, что мешал ему признать подобное подсознательный страх, который начинал преследовать его, стоило его мыслям начать приобретать подобный ход.

--И ведь невозможно было повернуть обратно,--задумался Плетнев. Он знал, что стоит ему только раз дать себе подобную поблажку, и уже невозможно станет разобраться, как ему на самом деле следовало себя вести дальше. Ведь даже и эту всю цепочку умозаключений он настолько долго носил внутри себя (не решаясь произносить вслух), что и сейчас, произнося это "про себя", Плетнев не мог поручиться, что не наступят те изменения, к которым он пока был не готов.

--Да и что, по сути, эти изменения,--сказал сам себе Плетнев.

Но он уже не стал продолжать этот становившийся мучительным диалог с самим собой. Он знал, что не так-то и легко иной раз продолжить собственные мысли. Но он и не хотел при этом, чтобы эти мысли оказались слишком разбросанными по сокровищнице его памяти (то, что мысли в итоге осядут там, Плетнев не сомневался. Слишком часто у него повторялось то, о чем он думал раньше). И что же ему надлежало делать теперь? Мог ли он гарантировать, что нечто подобное больше не повторится? А если и повторится, то вдруг станет желанным для него. И ведь это все,-- понял Плетнев,--исключительно ради того, чтобы больше, впредь, не страдать ему от собственных умозаключений. Чтобы как бы стало так, что он мог быть уверен в том, что если и размышляет, то это нисколько не оказывается напрасно. Что все происходит таким образом, что ему удастся поймать миг удачи. Той удачи, которая как прежде, все еще норовила ускользнуть от него; но вот теперь он понял, что случалось это только тогда, когда он сам, и уже получалось намеренно, отпускал ее.

--Если же позволить себе не поддаваться на сиюминутные увлечения и реализацию почти никогда не сбывавшихся желаний, ,-- сказал себе Плетнев,-- а удерживать, во что бы то ни стало мысли о необходимости сохранения удачи, то в этом случае уже не окажется так, что он упустит ее.

Конечно, он знал, что через время все равно окажется прав. Как знал и о том, что несмотря на различные жизненные пертурбации, все равно сможет тем или иным образом добиться справедливости в жизни. Той справедливости, к которой, собственно, все время и стремился.

И вот после чего-то подобного, возникающего в голове, Плетнев почувствовал, что он попросту продолжает идти по кругу, потому как судьба преподносила ему и раньше некие подобные императивы сознания. А вот нет. Почему-то тогда, когда возникали они, Плетнев считал их ошибочными. Теперь же - находил, что без них не мог существовать. Загадка...

--Это ли не загадка,--хотел было воскликнуть он, да понял, что ситуацию это не изменит. Что ему также как и раньше надо будет оставаться внимательным, чтобы не напутать что-то в этой жизни. Да и вообще, если разобраться, ему не очень хотелось быть все время во внимании. Но видимо так было надо.

.....

Плетнев находил, что он иногда сами запутывал себя. Поэтому он совсем скоро вынужден был отказаться от излишне настойчивых поисков объяснений происходящего с ним. Как бы допуская, что если что-то и происходит - так пусть пока так и будет. А когда придет время (и если оно придет), то он сам вмешается в процесс, ну и, значит, все после этого пойдет по-другому. Ну, -- уже лучше, значит.

Так он считал.

Считая так, Плетнев допускал, что может ошибиться, но это совсем не значило, что так на самом деле произойдет. Просто потому, что он верил, что все в скором времени должно измениться. Ну, еще и потому, что заметил Плетнев в последнее время некоторые удивительные аллюзии, происходящие с ним. Например, он все больше стал убеждаться в зависимости между написанным -- и происходящим с ним. Как словно бы с ним происходило то, о чем когда-то, сам того не подозревая, он писал в своем дневнике. Причем, со временем, заметив повторяемость происходящего, Плетнев даже надумал провести что-то на вроде исследования своего текста, да подумал, что это будет уже излишним.

--Верить-то верю, но не до такой же степени!--усмехнулся Плетнев, и какое-то время мысль о сличении текста и происходящего с ним в жизни (мысль о проекции текста в жизнь) еще витала где-то в спектре его размышлений, но подобное продолжалось недолго, и вскоре благополучно закончилось, а он, забыв об этом, вспомнил только много позже, когда в памяти вдруг возник ассоциативный ряд, состоящий из мыслей, запечатленных в дневнике, и событий, произошедших в реальности.

Он, конечно, мог сказать, то все происходящее с ним более чем странно. Да вопрос: почему не сказал? И ведь что могло бы показаться характерным и занимательным: стремившись сделать многое, Плетнев догадывался, что все в итоге сводилось всего лишь к поиску себя. Потому, быть может, и страдал он от этого много больше, чем если бы что-то произошло бы на самом деле, в реальности.

Но не происходило. И он знал почему...

.....

Много ли на самом деле могли сказать друзья Плетнева о Плетневе? Хотели ли они что-то говорить? Собирался ли сам Плетнев в последующем встречаться с ними? Или хотя бы такой вопрос: задавался ли он почему так получилось, что остался он один?

Что вдруг в одночасье покинули его все. Что ему удалось как-то сразу разругаться со всеми. Причем в самой манере ругани было что-то загадочное, потому как вроде как и не помнил каждый из собеседников в чем обвиняли они друга друга, да вот осадок от этих встреч остался серьезный. И уже не надо было проводить какую-то специальную работу, чтобы понять: между недавними друзьями-товарищами теперь лежала пропасть. И никто не собирался перекинуть мостик, чтобы попытаться преступить эту пропасть...

И что было делать Плетневу? Ведь он вполне помнил, что за всю его жизнь перед ним проходило много людей, да никто особо не задерживался. Потому как получалось так, что даже если Плетнев не находил в своих знакомых того явного, что позволило бы ему прекратить отношения с ними, так даже если и от них такая инициатива не поступала, а вот все равно, через время, как-то ненавязчиво случалось нечто такое, после чего недавние друзья уже не хотели ничего знать друг о друге. И даже если случайно встречались - или делали вид, что не замечают друг друга, или же действительно не замечали.

--Вот ведь в чем парадокс,--задумался как-то Плетнев, но и даже задумавшись об этом, ему все равно в глубине души было более чем все безразлично. Да и, по большому счету, не хотел он, чтобы как-то разрешалась эта ситуация. Быть может даже, она его не особо-то и беспокоила...

Часть 4 История вопроса

Глава 1

Зоя Абраменко была красивая крупная женщина 34 лет, с большим бюстом и огромными глазами с томным взглядом.

Зоя тайно любила Плетнева уже десять лет. Он об этой любви не подозревал; как и вообще, если и обращал внимание на женщин, то случалось подобное периодами, сменяясь от почти полного безразличия -- до проявления какой-то неумемной страсти, во время которой Евгений пускался во все тяжкое; в разврат, в общем.

Разврат сопровождался пьянством и чрезмерным табакокурением. Тогда как в обычное время Плетнев мог почти совсем не пить и не курить (да и то, курил преимущественно сигары,

---

словно бы смакуя жизнь, и постигая ее по капле принятого вовнутрь коньяка).

Сейчас в жизни Плетнева наступил иной период. И уже третьи сутки напролет он просыпался в разных квартирах, пил, кутил, и его жизнь характеризовалась, помимо пьянства, еще и большим количеством случайных связей. Причем удивительная деталь,-- как раз в такие минуты Плетнев удивительным образом открывал, насколько, оказывается, он нравился женщинам, которые отдавались ему большей частью только ради чего-то, понятного только им. Сам Плетнев это не понимал, и, просыпаясь в обнимку с той или иной девушкой или женщиной, мучительно (и обычно безуспешно) вспоминал, как он с ней познакомился.

Зоя была не такая. Она была честная женщина, за всю жизнь вступала в половые отношения только с несколькими мужчинами, и даже каждого из них до сих пор продолжала любить тайной и, как понимала, безответной любовью.

Одной из таких ее любовей был Плетнев.

Переспав с Зоей десять лет назад и бесповоротно и навсегда влюбив в себя девушку, Евгений достаточно скоро о ней забыл, а если и вспоминал, то только тогда, когда в силу необходимости подобного рода воспоминаний перед ним проходили чередой лица его возлюбленных, образы многих из которых оказывались столь расплывчаты, что в памяти только возникало нечто символическое, и почему-то обязательно в обнаженном виде.

.....

Евгений мог, конечно, сказать, что ему на самом деле нравилась Зоя.

Но с таким же успехом он мог сказать подобное почти о каждой женщине. И не потому, что был бабником, или производным еще от какого обидного слова. На самом деле Евгений Плетнев всегда старался в жизни находить позитив. А уже из отношений с той или иной пассией всегда выносил самые теплые воспоминания. Если, конечно, девушка не была совсем уж сволочью...

.....

Зоя поняла, что любит Евгения, и при первой возможности встретившись с ним, ему о том призналась.

Молодой человек смутился от подобных откровений, но не подал виду. А поразмыслив какое-то время (пока курил), пришел к

выводу, что должен ответить взаимностью на любовь Зои. Рассудив, что внешне она ему нравится. В постели так вообще отдается "на полную катушку", позволяя делать с собой все, что он хочет. И самое главное при всем при этом ("как козырь в рукаве",-- улыбнулся про себя Плетнев), это то, что она его любит.

--Любит, а значит не предаст, и сама не уйдет,--подумал он, и обняв девушку, тоже признался ей в любви.

--Идиллия,-- пронеслось в голове Плетнева через время, когда после случившегося оргазма от минета сделанного Зоей, он погрузился в полудрему.

.....

Можно было, конечно, предположить, что пройдет совсем незначительное время, и Женя Плетнев одумается, быть может даже попросит прощения у обманутой им женщины. Он и сам так думал. Даже убеждал себя, что еще немного, и пора покаяться, признаться если не в обмане, то придумать причину, чтобы как-то сгладить свою вину. Да все как-то не получилось. Сначала он откладывал подобное "на потом". А потом...

А потом, если разобраться, ведь не так-то и просто было оттолкнуть от себя женщину, которая не только любила его, но и - как понимал, как видел Плетнев - делала для него все, чтобы ему было хорошо с ней.

--Пусть и на несколько примитивном уровне,-- подумал Плетнев, вспоминая как при каждом удобном случае Зоя демонстрировала свое желание отдаться любимому мужчине.-Но ведь тут важен сам факт,--признался он себе.

.....

Плетнев вдруг почувствовал страшные угрызения совести. Ему стало по настоящему жаль, что он, по сути, сволочь и скотина. Что все его чувства казались настолько ненатуральными даже ему, что стоило только удивляться, как обо всем не догадалась Зоя. Женщина, которая его любила, и к которой он относился как и к любой другой женщине, с которой всегда готов был предаться любовным утехам, или разговорам на любые выбранные ими темы.

--Ты меня не любишь,--догадалась как-то Зоя, придя вечером с работы (она работала экскурсоводом).

Плетнев ожидал начало скандала, но Зоя как ни в чем не бывало, пошла сначала в ванную, а после отдалась ему со всей неистовостью страсти, на которую только была способна.

--Черт те что,--подумал Плетнев, проваливаясь в полусон после очередного оргазма. Понять поступки девушки он уже не пытался. Да и как бы осознал в последнее время одно: не стоило с таким беспринципным анализом, как делал он это раньше, подходить к жизни. Иной раз ситуацию можно было и отпустить. Не то что дать ей "настояться", а скорее на какое-то время попросту о ней забыть. И при этом, как он знал, если рассматриваемое им раннее положение вещей было действительно ему необходимо, так он вернется к подобному вопросу, и при этом будет совсем неважно, что да как будет он чувствовать на самом деле.

Тогда как сейчас он почти ничего не чувствовал. Ведь, по большому счету, что-то внутри него должно было взорваться, восстать против такого отношения, а нет. Он был спокоен. Сознание словно бы не угадывало в происходящем (или том, что ожидало его) каких-то проблем. Да и вообще, можно сказать, все было как-то удивительно спокойно (в душе) и интересно.

--Даже как-то интересно,--признался себе Плетнев, и готов был уже задуматься над всем этим, да... забыл. Нет, не то чтобы он стал забывать собственные мысли. Тут как раз характер забытья был несколько иной, и скорей всего исходил из того, что в глубине души (подсознательно) Плетневу стало безразлично, что происходит сейчас или произойдет в ближайшее время. И при этом, чувствовал он какую-то исходившую изнутри мощь. Которая придавала ему силы, и как-то по особенному положительно настраивала его. Так что он вдруг стал испытывать такую поддержку, что ему и действительно стало невероятно легко и спокойно. Он даже попытался было что-то напеть, да понял, что это уже перебор.

В последующие несколько дней ничего принципиального в жизни Плетнева не происходило. И он по-прежнему находил, что, по сути, жизнь весьма удивительна, и даже может быть интересна. Хотя и вопрос интереса на самом деле мог ему показаться как минимум несколько спорным. Ну, так уж выходило, что он действительно вдруг понял, что стал совсем другим, нежели чем представлял себя раньше.

--И ведь не то что этим другим он стал вдруг, в одночасье,--подумал Плетнев, допуская, что таким он был и раньше. Да вот просто сейчас впервые об этом задумался более-менее основательно. А задумавшись, понял, что, собственно, все это весьма и весьма

может показаться интересно ему самому. Так что, если разобраться, все может еще закрутиться каким-то забавно-загадочным образом. А значит - может в итоге стать очень и очень интересным.

Глава 2

Даниилу Переверзеву если и хотелось говорить правду, то было это столь редко, что он уже, по большому счету, и забыл, как и когда возникало у него такое желание.

Хотя, совсем нельзя было сказать, что он был таким уж бессовестным человеком. Ну а тем более -- откровенно бессовестным. Нет. Переверзев, высокий стройный блондин 23 лет, как-то сразу и бесповоротно умел расположить к себе людей. Но после этого начинал вести себя иной раз совсем неподобающим образом, хотя о нем так не думали те, к кому он обращался в это время. Да и вообще, казалось удивительным, но Переверзеву вообще везло с людьми, потому как думали они о нем только хорошее. Те же, кто начинал искать в словах Переверзева подвох, как-то быстро отошли в сторону с его жизненного пути. Поэтому, чтобы там не говорили (по возможности Переверзев подобные разговоры пресекал), а Даниилу Переверзеву такая жизнь нравилась. И даже можно было сказать больше - она нравилась тем, кто таким образом соприкасался в жизни с этим молодым человеком.

По профессии Даниил был архитектор. Работал в закрытом НИИ, проектировал военное оборудование. Хотя и друзья и близкие считали, что Даниил подрядился на работу в какую-то международную компанию, специализирующуюся по проектированию яхт, катеров, ну и всего того, что сейчас так активно в России стало пользоваться спросом у новых русских. Которые и платили Даниилу весьма щедро. Тогда как куда он тратил заработок - было вопросом. Потому как приносил Даниил домой (где жил с папой, мамой, и сестрой) ничтожно мало. Но, как-то загадочно улыбаясь, говорил что все.

Мог ли он им сказать, что, работая на правительство, на родину, ему достаточно было и тех крох, которые кидало ему как подачку государство, считая, видимо, что за престиж можно и вообще ничего не платить. Да Даниил и действительно был готов работать только за престиж профессии. Также как и его дед, академик, который в своей академии наук получал меньше дворника, обслуживавшего виллу какого-нибудь нового русского. Но дед тоже за 77 лет привык работать за престиж. Поэтому Даниил, подумав о

том только раз, больше о своей зарплате не думал. А только еще больше погружался в работу. Решив достигнуть в ней таких высот, после чего когда-нибудь кто-нибудь поднимет вопрос о его незаменимости. Вот тогда-то, считал Даниил, и можно будет вести речь о деньгах. А пока, кивнул сам себе молодой человек, достаточно было и идеи.

После знакомства с Даниилом, у Плетнева появилось чувство, что раньше он знал этого молодого человека. Но как не вспоминал Плетнев, не мог вспомнить где видел его. И от того создалось у него впечатление, что где-то и что-то не совсем чисто да правильно.

--Что и говорить,--подумал Плетнев.-Подобное возможно. Хотя и не хотелось бы,--добавил он через время.

Плетнев знал, что почти у каждого человека с периодичностью в пять-семь лет происходят некие судьбоносные жизненные преобразования, после которых на мир этот человек смотрит уже другими глазами. Не сказать, конечно, что так-то уж слишком все изменяется. Хотя и говорить, что остается на месте, тоже как будто нельзя. По крайней мере, Плетнев стал вспоминать прошедшие годы, и в какой-то мере смог убедить себя, что такие изменения были. Вот разве что,--задумался он,--почему раньше он не угадывал в происходящем именно изменений? Видимо отсылая все это на естественный ход вещей. А ведь стоило задуматься, и можно было увидеть много интересного...

Плетнев вспомнил, как вся жизнь его фактически была пронизана рытвинами да частоколами.

--Но ведь и утверждать, что это было только так,-- нельзя,-- тут же оборвал он себя.-Ведь если внимательно изучить все обстоятельства, то можно было заметить, что на самом деле, в первую очередь, судьба всегда предоставляла ему шанс. И только потом, когда он этим шансом или не пользовался, или же выбрасывал его, использованный, на свалку истории (обращаясь к иному какому случаю), тогда судьба словно бы нехотя наказывала его. А он, забывая о хорошем, склонен был если не винить жизнь, то, что уж точно - серьезно задумываться, почему так все происходит?..

Дурак. Сейчас он понял что дурак. Понял, что сам игнорировал те моменты, которые могли привести его к постоянной и исключительной удаче. Что сам, получается, загонял себя в угол. Вернее, сначала загонял себя в угол, а после уже недоумевал, отчего все это именно так.

Однако, несмотря на кажущееся понимание действительности, коей, как он предполагал, было пропитано его нынешнее понимание жизни, Плетнев тем не мене явно стремился еще к какому-то иному (дополнительному,-- как он сам бы заметил) пониманию.

Что это было за понимание, и действительно ли это было на самом деле так?

Евгений Георгиевич задумался.

Дело обстояло таким образом, что многое в его теперешней жизни вдруг потребовало переосмысления. На вопрос: так ли оно было необходимо, и не кроется ли в этом какая ошибка,-- Плетнев не раздумывая, ответил бы что нет. Нет ни ошибки, как нет и вообще необходимости что-либо опротестовывать. Кстати, он достаточно быстро расстался и с Зоей, и с теми, кто в последнее время набивался в его знакомые. Ему вообще по природе было как бы проще одному. Одиночество, считал Плетнев, в его случае есть вынужденная мера. И в который уж раз осознав это, он понял, что фактически так считал и раньше. Вот только раньше в характере собственных действий он больше руководствовался неким эмпирическим подходом. Даже можно сказать, что действовал скорее бессознательно, интуитивно угадывая дальнейшее продолжение пути, и не разрешая сознанию ввязываться в разрешение каких-либо вопросов бытия. Находя, что это как минимум оправдано, чтобы каким-то образом пытаться через время это опротестовывать. Нет. Что-либо опротестовывать он не собирался. Как раз теперь Плетнев более чем когда-либо понял, что находится исключительно на верном пути. И стремиться во что бы то ни стало разрушить этот путь - есть, как он заметил себе, вариант более ошибочный, чем даже это возможно было предположить.

К тому же, как понял Евгений Георгиевич, жизнь сама подталкивала его к принятию подобного рода решения. И думать как-то иначе ему попросту не хотелось.

Глава 3

В последующие несколько месяцев у Плетнева выкристаллизовались основные вехи его учения. Того учения, за которое он вдруг с такой настойчивостью засел. Учения, которое считал наиболее важным в сравнении даже с тем, что могло бы вообще произойти в его жизни. И пусть ему пока было трудно осознать истинную важность этого учения. Тут, как считал Плетнев, вообще палка о двух концах. Но если рассматривать главный

императив, как бы суть, смысловое значения происходящего, то Плетнев мог заметить, что ему действительно сейчас более чем никогда требовалось переосмысление происходящих с ним явлений. Явлений жизни, происходящих с участием его сознания.

--Да и подсознания,--добавил, чуть подумав, Евгений Георгиевич.

--Но ведь все это может быть великой ошибкой,--усомнился Павел Ледорубов, адвокат и новый знакомый Плетнева. (Стоило заметить, что несмотря на периодическое исчезновение из жизни Плетнева его знакомых, он не мог отказаться от привычки привязывать к себе людей. Ему просто нравилось общаться. И он на самом деле - чтобы не говорил - не мог быть в одиночестве. А если и мог - то недолго.)

-Ошибкой, говорите?-улыбнулся Плетнев.-Ну а даже если бы и ошибкой. Не находите вы, что человеку в какой-то мере периодически необходимо ошибаться?

--???-удивленно посмотрел на него адвокат.

--Да, да,--стоял на своем Плетнев.-Именно ошибаться. Спросите меня почему? Отвечу. Ошибаться на каком-то этапе жизненного пути необходимо для собственного внутриличностного роста.

--Вы находите?-не поверил адвокат.

--Более чем,--усмехнулся Плетнев.-Видите ли, именно периодическое осмысление действительности и в первую очередь происходящего с самим индивидом, включает в себя избавление от некоторых заблуждений, свойственных такому индивиду раньше. Причем, осмелюсь повториться, для самого индивида это действительно хорошо, потому что...

--...позволяет личности расти,--догадался Ледорубов.

--В том-то и дело,--радостно потер ладошки Плетнев.- Индивиду как бы необходимо проходить определенные этапы в своем развитии. Именно тогда можно с полным правом говорить, что он способен расти, проходить определенные ("и установленные самой жизнью",--поднял вверх указательный палец Плетнев) в своем развитии. Тогда как...

--...стоять на месте - значит идти назад,--закончил адвокат слова Плетнева словами Конфуция.

--Да,--не скрывал своей радости Плетнев.

Ему на редкость показалось легко с Ледорубовым. Пусть и внешне тот ему до сих пор казался несколько загадочен, но Плетнев давно уже привык полагаться на нечто большее, чем поиск во внешности другого человека черт, замеченных когда-то у близких и

приятных ему людей ("один из признаков возможности наступления эмпатии",--вспомнил Плетнев). Хотя и полагал, что при некоторых обстоятельствах это могло быть и вполне оправданным, потому как... Потому как видимо было легче ему тогда общаться с такими людьми. Ведь если тебе нравится один человек, как понимал Плетнев, то наверняка таким же хорошим окажется и другой, похожий на него. Хотя и вполне возможно, что как раз тут крылась ошибка.

Впрочем, за годы жизни Плетнев привык к ошибкам.

--Послушай,--услышал он Ледорубова, который не отрываясь смотрел на него.-А что если...

Договорить он не успел. Плетневу вдруг захотелось уйти, убежать, остаться одному. И наскоро придумав какое-то неотложное дело, он ушел.

Когда Евгений Георгиевич остался один, он задумался над тем, что как будто не совсем понимает, что на самом деле с ним в последнее происходит. И тут только он понял... Он понял, что просто не должен оставлять себе свободного времени. Помимо сна (обязательного сна, как понял он когда-то), и минимального времени на прием пищи и прочие обязательные вещи, Плетнев просто обязан был все время трудиться. Трудиться так, чтобы не оставалось времени на отдых, во время которого, как он считал, ему в голову и начинали приходиться те мысли, от которых в последующем он стремился избавиться. Ведь что было тут говорить,--задумался он, понимая, что если и дальше так все пойдет, то он действительно способен забрести в такие дебри сознания, из которых так просто ему будет не выбраться.

Однако через какое-то время неожиданно пришло просветление. Причем Евгений только поначалу думал (ошибочно,--получается), что подобное поведение его мыслей не имеет под собой подосновы, и словно бы пришло неоткуда. На самом деле это не так. И он понял это уже позже, когда предпринял достаточно серьезный анализ собственного поведения. И главным образом того, что проходило с периодичностью недавнего (а то и давнишнего, тут он себя особо не сдерживал) времени перед ним.

И проанализировав таким образом ситуацию, Евгений понял, что ситуация выглядит даже лучше, чем он это предусматривал. И задумавшись над подобным поведением вещей, можно было сказать, что еще через время Евгений Плетнев пришел к удивительным мыслям. Которые он пока раскрывать не стал, рассчитывая еще какое-то время пообтесать их, ну и просто взяв время подумать.

А подумать было над чем. В последние годы он стал подозревать, что совершил немало дел, которые требовали своего пересмотра. И подобное надо было делать быстрее, потому как...

Потому как можно было совершить новые ошибки. А этого он не хотел.

Глава 4

Вероника Тишковская искренне верила в дружбу и в любовь. Быть может потому она так часто попадала впросак (считал кто-то из ее подруг), будучи обманутой или недавними знакомыми, или - что еще хуже - возлюбленными.

Любила она страстно, отдавая себя без остатка и искренне надеясь на взаимность.

Не получалось. Ее обманывали, пользовались доверчивостью, во время действия которой пользовали Веронику,-- а после исчезали. Причем гордость не позволяла девушке быть настойчивой, а мужчины оказывались только рады, что она не выпытывала у них причины их бегства. И находя себе новых "девушек на выданье", забывали о Веронике. А она... Она помнила всех своих возлюбленных. Тех было немного. За всю ее 27 летнюю жизнь - таких было всего не больше десятка. Любила ли она их? Любила. И в этом оказалась весьма схожей (по влюбчивости) с Женей Плетневым, с которым как только познакомилась - тут же в него и влюбилась. А он?

Она не знала - любил ли он ее. Ей, конечно, этого хотелось. Тем более не так часто удается встретить родственную душу. И пусть эта душа иной раз с гнильцой, а наша привязанность к ней большей частью надумана, все же ведь так хочется верить в сказку.

Кстати, Вероника помнила слова Евгения, который как-то затронув вопрос подобной веры (Плетнев любил иной раз пофилософствовать), провел некую параллель между наличием желания верить в сказки - с теми сказками, на которых воспитывалось его поколение.

--И не только его,--подумала Вероника, вспомнившая, как и она, будучи маленькой, очень любила, когда ей читали сказки.

--Вера в сказочные чудеса после этого стали присутствовать в архетипе психики человека,--улыбнулся тогда Плетнев.

--Это неизменная величина?-уточнила Вероника, любившая конкретность.

--Что неизменная величина?-переспросил Плетнев.

--Ну, присутствие у человека подобного архетипа,--пояснила Вероника.-Он не меняется со сменой поколений.

--Да вроде нет,--задумался Плетнев.

--А как быть с современным поколением, которые не читают сказки?-спросила Вероника.

--Ну как это не читают,--засомневался Плетнев.-Чтобы совсем не читали это невозможно... Да и представление о сказках все равно есть,--добавил он чуть подумав.

Вероника тогда ничего не ответила, только кивнула головой и отчего-то смутилась, заметив на себе слишком пристальный взгляд Плетнева. Она всегда смущалась, когда видела, что на нее внимательно смотрел какой-нибудь мужчина. Она всегда видела за этим взглядом желание мужчины обладать ей как женщиной. Правда не знала, как сказать такому мужчине что она согласна. Она всегда была согласна подчиниться настоящему мужчине. Таких мужчин она угадывала сразу. Это было заметно уже начиная с их взгляда, в котором прочитывалось (или не прочитывалось) все, что было необходимо ей как женщине.

Таким взглядом тогда на нее смотрел Плетнев.

И Вероника отдалась ему. Отдалась с таким энтузиазмом, что Плетнев отменил все планы на тот день и остался с девушкой.

Он ушел от нее только через неделю. Всю неделю они не вставали с постели, заказывая еду на дом из ближайшего ресторана, да и вообще - предавались исключительно страсти.

А потом Плетнев ушел. Причем она в это время еще спала, а проснувшись, недоумевала, как ему удалось уйти так тихо, не разбудив ее (обычно Вероника спала чутко).

Но самое печальное было то, что Плетнев ушел уже неделю назад, и с тех пор ни разу не позвонил. Нет, она знала, конечно, что стоит ей услышать его голос, и она поверит ему, даже если он будет говорить откровенную ложь. Она всегда верила мужчинам. Вера для Вероники была превыше всего. Вера помогала ей выжить. Вера способствовала ее пониманию жизни. Пусть и понимание это иной раз подтачивалось такими вот поступками мужчин, но в том-то и дело, что как раз вера в справедливость помогала Веронике выживать после таких вот потрясений. И ведь не то, чтобы она не принимала эти потрясения близко к сердцу. Нет. Дело тут было скорее в чем-то ином. По крайней мере девушка знала, что благодаря наличию в себе подобного душевного качества - всегда переносила самые суровые потрясения для психики. И психика эта была достаточно ровная, чтобы Веронике сходить с ума из-за такого рода неприятностей. А потому...

А потому она просто жила. Жила и верила, что все в ее жизни когда-нибудь сложится как надо. А пока необходимо только верить и ждать. Всего лишь продолжать верить, и продолжать ждать. Ждать того человека, который полюбит ее столь искренне, что не сможет никогда бросить. И Вероника верила, что когда-нибудь найдет такого человека. Верила. И ждала.

Глава 5

Плетнев иногда чувствовал себя настоящим мерзавцем. И пусть со временем он научился сублимировать подобные состояния, высвобождая психику для чего-то иного, но в последнее время понимал, что порой хочет просто "пострадать".

И потому не препятствовал, когда чувство вины за сделанное когда-то подчиняло его разум и душу. А он страдал. Наслаждаясь подобными страданиями.

--В этом есть что-то мазохистское,--задумавшись, произнес Павел Ледорубов (с Ледорубовым нет-нет, да встречался Плетнев).

--Видимо да,-- осторожно согласился Плетнев.

--Нет, я серьезно,-- посмотрел на него Ледорубов.

--И я говорю что это так,-- еще раз согласился Плетнев.- Почему нет-то? Все так. Я ведь понимаю что сам, практически сознательно, вызываю в себе, в своей душе, подобное состояние, которое тянет за собой и тревогу, и то беспокойство, от которого вскоре мне становится совсем невозможно избавиться.

--Так и есть,--кивнул Ледорубов.

--Но вот что я думаю,--посмотрел на адвоката Плетнев.- Может на каком-то этапе жизни, ну или просто периодически, человеку и надо испытывать подобное чувство вины, чтобы уже окончательно не стать сволочью.

--Может быть,--кивнул, соглашаясь, адвокат.

--А вот кстати,--посмотрел на адвоката Плетнев.-В своей практике тебе ведь тоже приходилось встречаться с чем-то подобным? (с недавних пор они перешли на "ты").

--Нет,--слишком быстро, чем ожидалось, ответил адвокат.- Мои клиенты большей частью уже находятся в ситуации, когда надо сначала срочно выкарабкиваться из беды, постигшей их, а уже позже переживать о душе и прочим прегрешениях, совершенных на свободе.

--То есть, ты хочешь сказать, что нахождение за решеткой не предполагает переосмысления жизни?-засомневался Плетнев.

--Видишь ли в чем тут дело,--серьезно посмотрел на приятеля адвокат.-Когда мои клиенты встречаются со мной - их мысли проникнуты исключительно идеей - и верой в эту идею - скорейшего освобождения. Да и трудно было бы предположить что-то иное, потому как основная часть моих клиентов люди сверх обеспеченные, а значит знающие, что они хотят от жизни, и готовые идти на все, или почти на все, чтобы добиться своей цели.

--Выходит, тот кто успешен - уже раньше научился высвобождать свое сознание от чувства вины,--задумчиво заметил Плетнев.-И наверное это так и есть... Хм... Ведь действительно так и есть. Иначе им бы не удалось стать успешным.

--Я думаю, ты в чем-то прав в своих предположениях,--согласился с ним Ледорубов.-В свое время у них просто не было выбора. Они должны были или двигаться вперед, а значит закрывать глаза на прегрешения собственной психики, или же оставаться в своем прошлом. Но если они останутся в прошлом, это означало бы, что они не только будут мучиться и страдать, но подобное перенесется и на их будущее. Которого, так может выйти, что и не будет.

--Черт побери,--посмотрел на приятеля Плетнев.-А ведь и действительно так. А я тут мучаюсь, страдаю, ищу какой-то выход, размышляю, в общем, наслаждаюсь своими страданиями и общением с самим собой. А на деле надо было махнуть рукой, послать все подальше, да начать жить.

--В том-то и дело,--улыбнулся адвокат.-Вспомни слова Карнеги: надо жить в отсеке сегодняшнего дня.

--В свое время я учился по Карнеги,--признался Плетнев.

--Я тоже,--признался Ледорубов.-Помнишь, когда в начале 90-х его книги впервые появились на прилавках...

--Я помню еще покупал его у перекупщиков,--заметил Плетнев.

--Вот-вот, книг Карнеги было не так-то легко и достать,--согласился с ним Ледорубов.

--Вот только если бы помимо Карнеги тогда бы мне попалась и другая литература,--задумался Плетнев.-Литература, научившая как не стать сволочью, литература написанная серьезными учеными, профессорами, может даже писателями, хотя к писателям доверия у меня всегда меньше чем к ученым.

--Почему так?-поинтересовался адвокат.-Считаешь, что писатель глупее ученого?

--Ну, так нельзя наверное говорить,--засомневался Плетнев.-Просто видишь ли, то о чем говорит писатель как бы находится в

ареоле написанного им. А потому он может быть и самым умным человеком, которого вы когда-то встречали, но при этом, если вам не нравится его художественное творчество, то и получается, что невольно это распространяется и на все другие его слова, о чем бы они не были.

--Интересная точка зрения,--задумался адвокат.

--Ты так не считал?

--Не знаю,--пожал плечами Ледорубов.-Но может в какой-то мере ты и прав. Но как тогда быть с теми писателями, творчество которых ты считаешь близким своему пониманию жизни. Когда для тебя вдруг оказывается необычайно близко все, о чем прочитываешь в произведениях этого писателя. Когда чувствуешь такое единение душ, что готов, быть может, и жизнь отдать, если он бы попросил...

--Я думал твоя профессия лишила тебя чувственности,--признался Плетнев.

--А что моя профессия,--вздыхнул адвокат.-Это может в зале суда, как на сцене, мы должны одевать свои маски, как актеры судьбы. Но я всегда считал что в жизни каждый должен себе позволить оставаться собой. Да и эмоциональная речь в иных случаях способна внушить ту долю доверия, которой, иной раз, лишаются не в меру суровые люди.

--Да, их суровость зачастую трактуется как закрытость,--еле заметно покачивая головой вниз-вверх, согласился Плетнев.

--Ну конечно же. А с закрытыми от вас людьми как общаться?

--Да никак.

--Да. Никак. Нет, по крайней мере, особого желания.

--И все же чувство вины...--задумчиво произнес Плетнев.-

Это чертово чувство вины часто накладывает свой ужасающий отпечаток на личность.

--Так надо от него избавляться,--улыбнулся Ледорубов.

--Надо,--согласился Плетнев.-Знать бы еще как.

Глава 6

Евгений Плетнев понял, что именно сейчас настал тот период в его жизни, когда он должен расставить акценты на пути будущей жизни. Проследив вектор ее развития. И наметив принципиальные пути соприкосновения жизни внутренней -- с жизнью внешней.

Обо всем этом Плетнев как раз сейчас и размышлял. Он думал о том, что жизнь в большинстве случаев не была к нему благосклонна. Или еще вернее - он сам не замечал тех поворотов, которые могли привести его к счастью, и словно бы наоборот - намеренно запутывал себя. Понимая, что раньше ему все-таки удавалось выправить ситуацию. Но ведь не могло быть так постоянно,--рассуждал Плетнев.-Ведь вполне разумеется, что должен был наступить такой момент, когда придется держать ответ за все некогда совершенное. И быть может сейчас как раз такой момент настал. А он, Евгений Георгиевич Плетнев, должен предстать перед жизненным судом.

--Рано еще представлять перед высшим судом,-- внезапно подумал Плетнев, вспомнив, что еще на самом деле не произошло чего-то такого, после чего можно было бы говорить, что все закончилось.-Рано, еще слишком рано,--повторил Евгений, и подумал, что он знал, пожалуй, и более худшие времена. Другой вопрос, что каждый раз находилось что-то, что позволяло ему принять жизненный бой, а затем и выправить ситуацию. А значит,-- сказал он себе,--сейчас должно тоже произойти так или примерно так. Что еще рано отчаиваться. Что может быть сейчас он вообще вполне ошибочно принимает какое-то душевное ненастье за симптом. И что на самом деле еще удастся вывернуть в нужное направление, а то, что сейчас - признать настолько ошибочным и ложным, что после и вспоминать уже будет не нужно.

Плетнев подумал, что для того, чтобы изменить ситуацию, он должен совершить ряд поступков, которые не характеризовали бы его с той стороны, с какой все его привыкли видеть. Однако он тут же подумал, что уже находится не в том возрасте, чтобы кардинально что-то менять. И что самое разумное будет просто отвлечься, доверившись судьбе, которая, оставшись один на один с собой - сама выведет его. И приведет к тем результатам, которые будут на самом деле нужны.

--И тогда,--подумал Плетнев,--ему не нужно будет кого-то обманывать. А все получится так, как он того всегда бессознательно желал, да почему-то сдерживал себя в реализации собственных желаний.

Плетнев вышел на улицу. Стоял осенний ноябрьский вечер. Ветра почти не было. Прохожих на удивление тоже. И Евгений пошел по улице, продолжая размышляя о жизни, и о том, как так вышло, что он все время пытался понять законы жизни, а понять до конца эту жизнь не удавалось.

Даже книги не помогали, хотя как раз в книгах Плетнев всю жизнь как никогда искал ответ.

--Да и что такое книги?-задумался Плетнев.-Каждая книга это мысли одного человека. Чем больше прочитаю я книг,--понял Плетнев,--тем с большим количеством людей мне удастся побеседовать. Ведь мысли одного человека хорошо, а мысли сотен тысяч людей -всегда наверное еще лучше.

--Здравствуй, дорогой,--обратился к Плетневу какой-то мужчина, в черном плаще и черной шляпе а-ля Боярский-Дартаньян.

В стоявшем неподалеку мужчине Плетнев узнал Всеволода Андреева, своего однокашника.

--Привет,--устало произнес Плетнев, протянув Андрееву руку.

Они поздоровались.

--Что такой хмурый?-спросил Андреев. Лицо самого Андреева традиционно расплывалось в улыбке, как-то по особенному смотревшейся на фоне его округлой фигуры.

--Чичиков,--подумал Плетнев.-Он стал еще больше походить на Чичикова, в исполнении артиста... Плетнев не помнил фамилию артиста, но лицо того - лицо проходимца - тоже мелькнуло перед ним, прежде чем исчезнуть из вида.

--Тебе говорили, что ты похож на Чичикова?-поинтересовался Плетнев у Андреева.

--Говорили,--улыбнулся тот.-Я на многих похож. И что с того? Разве приносит это мне дополнительное материальное стимулирование?

--А моральное удовольствие?-спросил Плетнев.

--Ну, разве что,--все также улыбаясь, кивнул Андреев.

Плетнев подумал, что Андреев вообще всегда улыбался. Не зависимо от внутренних невзгод и прочих волнений, внешний вид Всеволода Андреева всегда оставался приветливым.

--А скажи,--посмотрел на него Плетнев, но, подумав, решил все же не спрашивать. Он знал за собой такую манеру: задавать неприятные вопросы в неподходящий момент. Правда он точно не знал, был ли сейчас момент неподходящий, но решил на всякий случай промолчать, опасаясь потерять товарища.

Андреев еще какое-то время поговорил с Плетневым, после вспомнил, что спешил по важному делу (сколько его помнил Плетнев - у Андреева все дела были важными), и откланялся. А Евгений Плетнев пошел дальше. Размышляя о той судьбе, которая все время находилась рядом с ней. И решая, видимо, какие-то свои - важные, непременно важные - задачи постижения тайн бытия.

.....

Плетнева действительно мучили вопросы бытия. Причем тут важно было заметить, что подходил он к ним как бы несколько иначе, и, если даже можно так сказать, - не совсем в классическом понимании вопроса. Прежде всего, у Плетнева, как и у любого человека, был свой взгляд на мир. И взгляд этот заметно отличался от взглядов других, хотя и как кто-то заметил о Плетневе - простирался в плоскости общего восприятия взглядов на мир индивидов, составлявших социум. Но тут вопрос мог заключаться лишь в том, что если эти взгляды составляли какое-никакое единство в целом, то, что уж точно - различались в крайностях.

У Плетнева так часто выходило, что, начиная какие-то свои рассуждения - он вскоре погружался в такие дебри вопроса, из которых ему так просто иной раз было и не выбраться.

Но со временем он научился отделять зерна от плевел. А к тому же выработал в себе привычку держать разом множество отдельных пунктов задаваемых себе вопросов в памяти. Поэтому, ответив на один какой-то вопрос - он переходил к другому, явно понимая, что ничего не может быть хуже неразгаданных истин. Тех истин, которые и так вроде как витают где-то рядом. И требуется иной раз просто элементарное время - чтобы со всем этим разобраться.

.....

Плетневу нравилась своя жизнь. Можно даже сказать, что себе он всегда нравился больше, чем кому-то, или чем кто-то нравился ему.

И получалось так потому, что Евгений Плетнев просто необычайно (всегда и необычайно) себе доверял. Поэтому, если уже рассматривать вопрос в каком-то общем и целом понятии, то тут было как бы вполне разумно предположить, что он находил и компромиссы с собой, и находил еще то нечто, что в конечном итоге позволяло ему пребывать во внутренней гармонии. А это, как знал Плетнев, поистине важно, и быть может даже, предполагал Евгений, один из самых важных пунктов жизнедеятельности человека.

Чему Плетнев был несказанно рад. И выбираясь из какого-либо информационного вакуума - с наслаждением просматривал покадровую хронику запечатлевшихся в памяти событий. Что давало

ему дополнительные силы и возможности на пути самосовершенствования.

Ну а вообще, если разобраться, Евгений Плетнев сам провоцировал почти все свои состояния. Можно даже сказать, что это выходило у него сродни необходимости. Он как бы учился на поступках (как своих, так и других). Да и давно у него повелось, что если делал он какое-то действие, то оно почти неминуемо должно было иметь под собой какую-то подоснову. Другими словами, не любил Плетнев что-либо делать просто так.

.....

Анализируя удивительным образом свою жизнь (а надо заметить, что Плетнев часто делал подобное), Евгений Георгиевич отдавал отчет, что на самом деле у него просто не может быть все совсем уж просто. И если он придумывал какое-то действие, то старался придать ему форму многоходовости.

Можно предположить, что он не любил простоту. Но ведь и сильно усложнял что-то он только тогда, когда мог себе это позволить. А позволял себе зачастую слишком часто на начальном этапе осмысления жизни. Это уже только недавно он понял, что негоже так загонять себя. Что есть и другие обязательные задачи, которые попросту необходимо выполнять. Хотя бы те же знания. Ведь так получалось, что, постоянно, как будто бы, стремившись к знаниям, Плетнев упустил вопрос документального засвидетельствования их. И так выходило, что это в последнее время его поразительным образом начинало беспокоить.

А еще он понял, что слишком заигрался с друзьями, большинство из которых оказались настолько мнимыми, что, расставшись с ними, Плетнев почти тут же о них забыл. Кстати, он чувствовал себя в последнее время заметно лучше и в психологическом плане. Как бы понимая, что какие-то победы в жизни все же одерживает.

И уже в итоге от всего подобного ему становилось свободнее дышать. И - идти вперед. Ведь он все время шел вперед. Даже если видел, что кто-то удивительным образом сдерживает его, он не расслаблялся, и шагал...

Шагая по жизни, Плетнев все реже старался оглядываться по сторонам, и тем более оборачиваться назад. Так выходило, что он понял, что излишнее оглядывание забирает слишком много сил. И часто как раз тех сил, которые могли ему понадобиться в другом.

Часть 5 Демарш воли

Глава 1

Плетнев понимал, что он так-то уж не может окончательно замыкаться в себе. Выходило - он должен постоянно подстраиваться под время. И при этом - сначала медленно, не спешно, а после постепенно усиливаясь - что-то восставало внутри против подобного.

То есть он понимал, что должен, конечно, продолжать борьбу. Жизнь в его представлении была такой борьбой. И все же самым главным было его желание оставаться собой.

И, в конце концов, именно это желание перевесило все, что происходило с Плетневым. Как перевесило и то, что еще могло произойти.

И все же Евгению было как-то нелегко на душе. Предчувствия какой-то надвигающейся беды не давали ему окончательно расслабиться, начав жить свободно. Этой свободы не было, прежде всего, в душе Евгения. Вечера и ночи превращались в составление мучительной цепочки размышлений о жизни, поиске закономерностей в этой жизни. Тех закономерностей, которые в итоге, по его мнению, и должны были как бы вывести его наверх в его осознании действительности. Тем более что пока выходило так, что каждый раз, когда он вроде как продвигался вперед, и быть может даже нащупывал то нечто, что в итоге и могло оказаться нужным ключом, всегда находилось что-то, что Плетнева отбрасывало назад. В прошлое. В то прошлое, которое каждый такой раз возвращалось вновь. Прошлое, которое не давало ему окончательно расслабиться.

Евгений Георгиевич вновь и вновь анализировал события текущей действительности, понимая, что давно уже имел право на то, чтобы начать жить в свободе от мучившего его раскаяния за раннее совершенные поступки. Да и если пытаться судить его, так окажется, что он давно уже искупил (своей жизнью) то негативное, что происходило в этой жизни раньше. Ну и к тому же Евгений понимал, что какие-то обвинения себя -- в конечном итоге отбрасывают его назад. Сбивают с ритма жизни, вынуждают уже не стремиться так вперед, потому что любое движение вперед оказывалось весьма затруднительным в создавшихся условиях;

мысли о прошлом, о своей какой-то вине в этом прошлом, заметно ограничивали возможности Плетнева. Можно даже сказать, что все время он боролся с самим собой, с тем, что оказывалось представлено в его психике в виде критической структуры этой психики, фактически мешавшей ему жизнь. А все попытки снизить оказывавшееся негативным воздействие на его психику, ни к чему не приводило. Более того, Плетнев уже ясно понимал, что если все будет продолжаться и дальше в том же духе, то, собственно, он хоть и будет двигаться вперед, но это в конечном итоге потребует таких эмоциональных затрат, что может оказаться даже так, что и не выжить будет ему. Уж слишком тяжело он относился ко всему. Тяжело, а может серьезно,-- вспомнил Плетнев слова кого-то из своих знакомых.

Знакомые - это была еще одна боль Плетнева. Все чаще со знакомыми он не то что расставался, но как-то выходило так, что Евгений быстро уставал от тех, с кем общался в течении какого-то времени. Ему как бы удавалось достаточно быстро узнать человека, после чего этот человек уже был не интересен Плетневу. Не интересен прежде всего как ученому, исследователю. Именно в этой роли позиционировал себя Евгений Георгиевич в первую очередь. И следовало отметить, что в какой-то мере, видимо как раз в этом и таились многие причины того, что Плетнев совершал в жизни. И прежде всего, становились характерными размышления его, которые были как раз в ключе анализа-изучения действительности, и простирались исключительно в этой плоскости. И хотя все это, конечно, заставляло Евгения прилагать неимоверно больше сил, чем если бы довелось ему жить без довлеющего над ним необходимости постоянного анализа действительности. Ну и при этом, разумеется, у него все-таки был шанс добиться прекращения всего того негатива, который набрасывался на него. Прекращение, именно это в конечном итоге могла быть определена как цель происходящего. И, по сути, все должно было действительно получиться.

Глава 2

Плетнев со временем понял, наконец, в чем заключалась его главная ошибка. И ошибка эта заключалась в том, что он пытался жить не той жизнью, которой жить был он должен.

То есть, не сказать, конечно, что совсем уж не той. Он вроде как все время выравнивал ситуацию. Но по сути, это было до сих пор еще не так, как то было на самом деле необходимо. И как раз тут

Плетнев вспомнил Карла Юнга, который считал, что для наибольшего внутреннего психологического спокойствия необходимо чтобы как минимум три поколения жили одной жизнью, были вместе, имели одну и ту же профессию. То есть, уже получается, дед-отец-сын.

Дед Плетнева был политработник во время Второй Мировой войны, после стал вторым секретарем горкома партии, а еще позже -- был переведен (из-за пьянства) на менее ответственную работу, и фактически уже руководящие должности не занимал. Отец Плетнева - был главным инженером на военном заводе. После тоже спился, и был переведен сначала на должность завскладом, а после его подвели под статью о хищении, и отправили в ссылку, из которой он уже не вернулся, погибнув при невыясненных обстоятельствах. Сам же Евгений стал преподавателем социологии. Но и это, по большому счету, его не радовало. Вернее, не давало того внутреннего единства, которого, наверное, хотелось. Потому как мечтал он о большем.

Другими словами, можно говорить, что как таковой преемственности поколений не было. И при этом Евгений Плетнев как раз сейчас стал находить в этом серьезную ошибку. Как и стал догадываться, что, по сути, он все время раньше ходил вокруг да около, в то время как необходимо было попросту...

--Стоп,--сказал себе Плетнев. Он понял, что как раз раньше не мог нащупать эту нить, потому что к тому времени еще не подошло время к подобным разгадкам. Тогда как сейчас, когда начало у него внезапно что-то прощупываться (в понимании вопроса), как раз видимо и было именно тем, чему он, собственно, уже так или иначе мог быть благодарен. И все потому, что он действительно понял, что наступило время, когда он должен был ("не должен, а обязан",--сказал себе Плетнев) скорректировать жизнь. Только в этом случае можно было рассчитывать на то, что наступит ("наконец-то наступит",--повторил он вновь) то единение, к которому он, собственно, все время стремился. В то время как может так случиться, что он сейчас всего лишь на одном из путей. То есть продолжает находиться в своеобразном поиске. А значит, в такой ситуации сложно будет говорить о том, что он действительно нащупал Ариандову нить.

Плетнев задумался. Так выходило, что он не сразу вдруг понял, что, по сути, находится сейчас действительно у цели. Причем даже то, что цель в какой-то мере расплзлась - это не смущало Плетнева. Потому что знал он, что тогда, когда он действительно окажется у цели, уже ничто не сможет сдерживать его. А значит появится вероятность, что до этой самой цели он дойдет.

В чем заключалась цель, Евгений Георгиевич должным образом не смог бы ответить до сих пор. Но он предполагал, что стремится, по сути, к единству. К внутренней гармонии. Что уже означало, что если предположить, что этой цели может быть подчинено и все остальное, то в этом случае он действительно окажется у цели. Потому что его уже как бы пропускают к ней. А когда наступит эта самая внутренняя гармония (которая будет проецироваться на все), то в этом случае уже можно будет говорить и о победе. Победе над собой, в первую очередь. Ну а победа над собой, это,--как знал Плетнев,--как бы гарантия осуществления и победы над другими. Победить себя всегда тяжелее.

Плетнев часто задумывался над подобными вопросами. Можно сказать, что он думал о многом, а тут как бы выходило так, что со временем определенным образом шлифовались получаемые им выводы. После чего ему хотелось предположить, что совершит он немного меньше ошибок в будущем. К чему, собственно, и стремился.

Глава 3

Любопытно, но чем больше Плетнев в своем анализе жизни доходил до какой-то завершенности, тем больше он понимал, что, собственно, еще на самом деле ничего не сделано. А та жизненная система, которую он выстраивал,-- на самом деле была еще достаточно сырая, имела более чем схематичный план, да и вообще, если разобраться, все было не так просто.

То, что это все было непросто, Евгений Георгиевич понял сразу. Хотя и еще какое-то время пребывал в легкой прострации, потому как не считал, что на самом деле сможет "достучаться до небес" (как он называл вмешательство в процесс мышления, в результате которого в его сознании должны были закладываться новые паттерны поведения, и, собственно, характер последующего совершения поступков должен стать иной, и в какой-то мере предсказуем). При этом несколько раздражала Плетнева необходимость оградить себя от общества. С одной стороны, он не мог так просто взять и стать на крайне маргинальные позиции. Но с другой, люди на самом деле так "достали" Евгения Георгиевича, что он решил до минимума снизить контакт с последними. То есть - без особой надобности не общаться.

Однако, подобное оказалось сделать намного сложнее, чем он, было, предположил с самого начала. И основная трудность здесь

заклучалась в том, что при всей общей отсталости масс, Плетнев угадывал в массах то, ради чего, собственно, он и вынужден был все время пребывать среди народа, среди представителей масс, каждый из которых быть может еще не представлял из себя ничего, но вместе эти люди складывались в общий порок, именуемый обществом. Причем так выходило, что Плетнев угадывал в этом обществе все те черты, свойственные отдельным индивидам, с которыми он всегда вынужден был бороться. Теперь же, когда такие индивиды заключались в массы, Плетнев понимал, что какая-либо борьба против них весьма бессмысленна. С массами вообще трудно бороться,--решил он. Понимая, что массы легче возглавить, переориентируя их на какой-либо (видимый, например, ему одному) позитив, чем пытаться противопоставлять их общему заблуждению какую-то свою мудрость.

Для Плетнева внезапно пришло совсем иное понимание истории, и своего места в этой истории. Теперь перед ним как будто не существовало тех многочисленных трудностей, которые отпугивали его раньше. Нет, теперь, в этой борьбе скрывавшихся противоречий, Евгений Георгиевич стал находить даже какие-то откровения. Те откровения, которым раньше он, быть может, не придавал особого значения, но которые наверняка были. Ведь если мы что-то не замечаем,--считал он,-- это совсем не значит, что этого нет. Более того, именно то что мы бессознательно избегаем, как раз и может как раз в себе какую-то особую негативную оценку нашего сознания. Поэтому сознание и боится себя таким образом, попросту до поры до времени стараясь не замечать того негатива, который проецируется извне.

Помимо прочего, как оказалось, сознание Евгения всем процессом своего существования вынуждало его идти на маленькую хитрость, которая раньше ему в жизни помогала, но в конечном итоге оказалась ошибочной, потому как приводила, как оказалось, к не очень желательным последствиям. А суть в том, что еще с юношеских лет Евгений стал давать фору другим. То есть там, где намечалось его явное преимущество (в общении с кем-либо - путем переигрывания интеллектом), он словно намеренно давал другим одержать вверх, видимо бессознательно боясь таким образом (как он считал раньше) против того, чтобы такой человек почувствовал в нем сильного противника, а значит, пытался бы постоянно ему противостоять. В то время как на деле получалось (после соответствующих установок в поведении Евгения), что возможный противник Евгения не замечал в лице Плетнева

противника. Причем как раз из-за той странности в поведении (странность была закономерностью, как оказалось), когда противники Плетнева, не видя в нем врага, а замечая лишь слабинку - стремились с еще большим остервенением его добить, Женя Плетнев долгое время страдал. Страдал, пока не понял, что ситуация кроется в другом. И как раз чтобы уберечь себя от возможного нападения-провокации со стороны других - необходимо наоборот, казаться сильным. Только так можно было оградить себя от излишних проникновений в свой внутренний мир. С целью, опять же (как понял Плетнев), подчинения его внутреннего мира - установкам агрессора. И таких агрессоров за всю его жизнь набралось такое количество, что Плетнев понял, что надо в корне менять установку. И действовать как бы наоборот. Внушая окружающим страх и уважение. Или лучше уважение -- посредством страха.

Плетнев только недавно стал привыкать к новой роли. Оказалось, что не так-то просто было избавиться от установок прошлого. Те прочно закрепились в сознании, но Плетнев не был бы Плетневым, если бы не направил силы на избавление от порока, который раньше считал своим положительным качеством (как своим, так и качеством вообще той рафинированной части интеллигенции, к которой по ошибке себя зачислил). И сейчас все представлялось ему совсем иначе. Как бы даже на порядок выше тех последствий ситуаций, которые происходили раньше.

И при этом он словно понимал, что даже самое радостное будущее не есть на самом деле то, что ему нужно. Потому как совсем неизвестно, совсем еще вопрос, будет ли ему в этом будущем настолько хорошо, чтобы он понял, что это будущее много лучше самого наилучшего прошлого. А тут уже, пожалуй, и действительно вопрос - так ли это. И даже скорей всего что не так, -- склонялся к мысли Плетнев, хотя и не стремился пока делать эту мысль всеобъемлющей; подчиняя ей те мысли, которые еще могли появиться. И все потому, что Евгений Плетнев, несмотря на возраст, все еще относился к категории людей, способных менять свои убеждения не в силу какой-то поверхности взглядов, а только потому, что стремились такие люди избегать любых ошибок. Любых, это значит и своих собственных.

Когда Плетнев размышлял об этом, он предположил, что вышло странно, но ему пришлось вновь (и в который уже раз) остаться одному. Пусть он, конечно, не расставался окончательно со своими знакомыми, товарищами, друзьями да приятелями. Но ведь и выходило так, что повторение подобного положения дел как бы

косвенно ("как минимум косвенно",--подумал Плетнев) свидетельствовало о том, что ему действительно, по большому счету, было неинтересно мнение других. Тем более,--сказал себе Плетнев,-- вариант общения он все равно получает на кафедре, во время преподавания.

--То есть, другими словами, если рассматривать вопрос общения в контексте необходимости проговаривания в день определенного количества слов,--уточнил Плетнев для себя,--то он подобный фактор общения реализует во время преподавания. А большего, как бы получается,--задумался Евгений Георгиевич,--ему вроде и не нужно.

Подведя подобный итог, Плетнев стал допускать, что в общем и целом он прав. И если ошибается, то исключительно в частностях. Причем эти частности можно было замечать или не замечать уже в зависимости от тех или иных установок, находящихся в подсознании в конкретный период времени. Тогда как если рассматривать аспект целостности, общности, идеи, то он был прав,--сказал сам о себе Евгений Георгиевич, повторив появившиеся выводы еще раз, и согласно кивнув себе, мысленно поблагодарил себя за достигнутое понимание вопроса.

--Странный он был человек,--думал о нем Всеволод Андреев, который после расставания с Плетневым отчего-то до сих пор еще думал о нем. Причем в голове Андреева явно что-то не укладывалось. Но он не мог понять "что"? И может от того,-- в душе его вскоре появился какой-то нехороший осадок. Причем, даже несмотря на то, что вроде как не было чего-то явного, для себя Андреев решил по возможности с Плетневым больше не встречаться.

И наверное Андреев бы удивился, но подобное каким-то удивительным образом сошлось с мыслями самого Плетнева в отношении и Андреева и других. Как и сошлось с мыслями "других", решивших подобное в отношении Плетнева. Причем настойчивее всех оказался Павел Ледорубов. Ну да может просто от того, что все другие (более ранние знакомые Плетнева) отпали раньше.

Глава 4

Евгений Плетнев медленно начал вспоминать свою жизнь. Как-то так выходило, что с недавних пор именно в этом Плетнев пытался найти тот спасительный лаз, благодаря которому можно было выбраться на поверхность жизни. Ведь Евгению Георгиевичу уже так хотелось жить полноценной жизнью. Причем он понимал,

---

что фактор полноценности может быть весьма различен. И что при одних раскладах можно было назвать полноценностью,-- при других нисколько не тянуло бы на подобную категоричность бытия. И как понимал Плетнев, важно было для него найти как раз ту грань, за которой и происходило разделение на те или иные факторы жизни.

Евгений вспомнил детство. При этом он уже понял, что на самом деле здорово запутался как сам, так и попытался запутать возможных желающих понять его жизнь путем анализа-сопоставления имеющихся данных. Потому что, видимо как раз эти данные носили столь противоречивый характер, что было поистине достаточно трудно действительно что-либо определить, чтобы не ошибиться. А ошибаться было чему. Одни только непонятные смены фамилии и имени... Смена гражданства... Вопрос о наличии или об отсутствии в его жизни тех или иных якобы произошедших с ним событий... В общем, там было чему задуматься. Правда, сам Плетнев, казалось, не думал об этом. Но тот, кто так считал - ошибался. Потому как Евгений Георгиевич на самом деле думал обо всем, что с ним происходило. И не только думал, то есть не думал обо всем этом как-то абстрактно, а мучительно искал выход как из создавшегося положения, так и в его сознании явно прощупывалось желание не допускать впредь чего-то подобного. Он просто устал от ошибок. И вполне понимал, что его стремление постижения жизни как раз исходит из подобного желания, желания не допущения впредь чего-то подобного; как и желания постижения жизненных законов. Потому как Евгений давно уже понял, что жизнь уподоблена различным законам. И следование им, вернее - проживание жизни с учетом знания этих законов, все это как бы помогает не допустить тех ошибок, о которых Евгению Плетневу уже пришлось раскаиваться.

Но он отдавал отчет, что не все так просто. Все эти жизненные законы если и существовали, то были достаточно сложны для выявления. Потому как необходимо было для этого проанализировать множество ситуаций (происходящих в жизни). Да и к тому же, прежде всего, помнить как эти ситуации, так и способы выхода из них. Те выходы, которыми воспользовался Плетнев.

Причем тут важно было определить правильность этих выходов, потому как, если разрешение тех или иных жизненных ситуаций оказывалось правильным, то подобное следовало как минимум запомнить, чтобы на будущее воспользоваться таким способом разрешения конфликта. А если способ оказывался ошибочным, то в этом случае следовало мысленно представить произошедшую ситуацию, и найти новый, иной способ избавления

от критической ситуации. Причем уже градации правильности или ошибочности его, следовало проводить значительно позже. Когда на руку будет играть фактор времени. Ведь зачастую как раз через время можно оценить ту или иную ситуацию, потому как спадают со временем эмоции, а значит более вероятно, что ситуация в таком случае оценивается с позиции здравого смысла. Да и те или иные эмоции, как известно (по крайней мере, Плетнев об этом знал), зачастую застилают дымкой излишней предвзятости любые сознания. А значит те или иные выводы могут стать ошибочными. Что совсем не нужно было Плетневу, который на самом деле искал истину, потому как через эту истину надеялся добраться до улучшения жизни. Улучшения - в том числе как раз и путем недопущения ошибок. Причем Евгений Георгиевич относился негативно к фактору ошибочности еще и потому, что явно подозревал, что через его жизнь проходят не только ошибки прошлого, но и в его настоящем продолжают совершаться ошибки, которые пока ему не удастся исправить. Но он этого очень хотел.

.....

Евгений Плетнев все больше замечал, что его жизнь стала походить на цепь каких-то нелепых, как будто и не нужных ему, откровений.

И при этом, он словно бы всячески противился тому, что, казалось, было необходимо ему в первую очередь. Но что?.. Что было, что могло быть, пройти в первую очередь? - задумывался Евгений, и все чаще находил как будто и не нужными подобные размышления, угадывая в них совсем, пожалуй, другой смысл.

Но каких-то обвинений в мистике он бы никогда не принял, потому как был в первую очередь ученый, а уже после человек. И если человеку, по его мнению, еще было свойственно (и как бы негласно разрешено) увлекаться мистическими элементами, встречающимися в жизни (то есть трактовать жизненные ситуации с антинаучных позиций), то ему как ученому - подобное было запрещено. Потому и стремился Евгений Георгиевич какую-либо жизненную ситуацию рассмотреть в первую очередь с позиции трезвого взгляда.

И вот как раз таким взглядом он давно уже старался смотреть на свою жизнь. Жизнь эта, при этом, словно бы не замечала столь пристального внимания. И от того до сих пор ряд собственных поступков казались Плетневу какими-то не нужными, если не

сказать ошибочными. Другими словами,--уточнял он для себя,--они были словно изначально ошибочными. И все эти ошибки приводили к результатам, общей картиной которых являлось нечто непонятное, и даже может быть загадочное, что происходило в его жизни. Причем само стремление попытаться повернуть ситуацию в другую сторону, не приводило к каким-либо ощутимым, то есть заметным, результатам. И сам Плетнев...

А сам Плетнев вдруг решил в очередной раз изменить судьбу. Он словно бежал от себя, и рассчитывал, что это у него когда-то действительно получится. Но вот насколько он был искренен с собой?..

Часть 6 Как это было

Глава 1

Никогда еще не был Владимир Маковский на пути к правде. Правдой в его представлении было постижение себя.

Владимир был среднего роста мужчина, с обстоятельными привычками к рассудительности, и к постижению себя.

Себя - это значит постижению своего внутреннего мира. Мир Маковского действительно был сам по себе загадочен. Еще большую загадочность прибавляло то, что своей жизнью Владимир Маковский быть может только начинал жить. Он только сравнительно недавно узнал свои настоящие имя и фамилию. Изменил на них прежние имя и фамилию. И был преисполнен какой-то особой внутренней решимости постижение остальных тайн.

Что это были за тайны, и были ли они на самом деле, Маковский точно не знал, но интуитивно догадывался. Он вообще в последнее время (да и всегда) полагался на интуицию, понимая что это, быть может, то единственное, которое по настоящему не подведет. Ведь что такое интуиция? Это своего рода коллективное бессознательное,--считал Маковский. А в коллективном бессознательном, как известно, помимо собственно бессознательного, хранится также и опыт предков, опыт предшествующих поколений. Опыт, в котором сублимированы те достижения, которые прошло человечество на этапе жизни многих поколений. И Владимир Маковский, более чем понимая это, был преисполнен какой-то особой гордости что это так. Другой вопрос,-- говорил он себе,-- как научиться извлекать весь этот опыт предков из подсознания. Ну тут Владимир Николаевич допускал, что многое

откроется постепенно. Как бы в процессе жизни. Если,--уточнял он при этом,--человек сам показывает стремление к постижению истины. А любая истина почти однозначно, как считал Маковский, простиралась в плоскости науки. Значит - надо было постигать знания. И уже через них могла открыться истина. И Владимир Николаевич знал, что это действительно то нечто, что способно было помочь ему в достижении тех тайн, которые скрывала жизнь.

Почему Маковский только недавно узнал свои настоящие имя и фамилию, и какое имя носил прежде? Тут Владимир Николаевич мог бы сказать, что поистине невозможно было так-то уж свободно ответить на этот вопрос. Разве что признать, что какие-либо настоящие откровения можно было отложить на более позднее время. А пока принять в расчет, что его нынешние имя-фамилия действительно были настоящими. Ну, или условно настоящими,--согласно тому жизненному периоду, во время которого Маковский вынужден был жить сейчас.

Глава 2

Рассматривая прожитую жизнь с позиции соотношения радостей и совершенных ошибок, Владимир Маковский первое время явно протестовал против подобного взгляда на жизнь. Евгений Плетнев, который считался другом Маковского, и с которым Владимир Николаевич встретился почти что случайно (как и многое что происходило в его жизни), сначала внимательно выслушал Владимира Николаевича, а после признался, что у него схожие проблемы.

--Не так-то просто выбраться из прошлого,--заметил Плетнев, смущенно улыбнувшись.

--Но ведь я и не стремлюсь особо из него выбираться,--запротестовал, было, Маковский, да столкнувшись взглядом с Плетневым, замолчал.

--Я не говорю, что надо непременно что-то бросать, начиная заново,--пояснил Евгений Плетнев.-Вероятно, каждый для себя должен делать свои выводы.

Маковский кивнул. Он только сейчас себе признался, что, по сути, никогда не был откровенен с самим собой. Словно бы подозревая, что любая мысль может быть опасной и воплотиться в последующее действие, стоит только такой мысли оказаться озвученной (то есть реализоваться в виду слова), Владимир

Маковский весьма осторожно относился ко всему им произнесенному. И даже в первую очередь ставил преграду на пути вообще появления слов из мыслей. Как, вероятно, и самих мыслей.

У Плетнева была ситуация в чем-то схожая. Разве что он стремился иной раз как бы противиться этому, а потому выбрасывал из своего подсознания потоки слов, словно рассчитывая, что все они превратятся в какие-либо последующие действия, или как минимум материализуются. Причем, после того как это случится (в такие минуты он верил что случится), Евгений Георгиевич знал, что сделает все возможное, чтобы отойти к обозначенным ранее позициям. То есть он вроде как и понимал, что по старому жить уже нельзя, но что-то держало его, чтобы жить по новому. И от того создавалось впечатление, что все время находился Евгений Георгиевич в некотором подвешенном состоянии. Словно бы и сам явно не рассчитывая прийти к какому-то знаменателю.

Плетнев с Маковским были действительно в чем-то схожи. Но если так считал сам Маковский, то Евгений Плетнев вдруг как бы понял, что тут особого единения не было. Он, Евгений Георгиевич Плетнев, попросту интуитивно подстраивался под мысли окружающих, словно бы опасаясь вступать в явную конфронтацию с другими. И при этом Плетнев только поначалу чувствовал некий дискомфорт от подобных своих действий. Со временем можно сказать что привык. Хотя и привычка, как заметил Маковский, играла не основную роль, потому как если ориентироваться, по мнению Владимира Николаевича, на привычку, то она как бы предусматривала собой и привыкание. Тогда как в случае привыкания,-- развивал он свою мысль дальше,-- индивид уже не испытывает столько противоречивых чувств, которые,--Маковский внимательно посмотрел на Плетнева и понял что прав,-- периодически рождались в душе Евгения Георгиевича. И то, что это было так - было самым печальным,--закончил свою короткую речь Маковский, не отводя взгляда от Плетнева.

Плетнев не очень любил, когда ему таким образом заглядывают в душу.

Но он уважал Маковского. И даже не столько потому что они, по сути, были коллегами (Маковский преподавал педагогику в нескольких вузах Питера, города, где жил Плетнев), но в отличие от Евгения Плетнева, Маковский уже заканчивал докторскую, и по всем показателям шел вперед, сметая все на своем пути.

И вот как раз этой пробивной способности Маковского никогда не было у Плетнева. Он не то что плыл по волнам, но если

разобраться - примерно так это и было. И если намечался какой конфликт, Евгений Георгиевич предпочитал в первую очередь разрешить противоречие исключительно мирным путем (в этом они еще с Маковским были схожи). Однако, если мирным путем конфликт разрешить не удавалось - Маковский, в отличие от Плетнева, готов был идти до конца. И тут как раз они в корне отличались (по модели последующего поведения) друг от друга. Причем, поначалу Маковский еще пытался склонить на свою сторону Плетнева (на собственных примерах убеждая идти до конца), но после понял, что психика Евгения Григорьевича приемлела совсем иные способы общения с другими индивидами. Или попросту говоря - Евгений Плетнев готов был пожертвовать чем-то, лишь бы не обрести в оппоненте врага. Маковскому же было все равно. Причем оказывалось (как позже заметил Маковский, и на это обратил внимание сам Плетнев в минуты "горестных раздумий"), что оппоненты Маковского в большинстве случаев принимали точку зрения Владимира Николаевича, словно бы отказываясь от своей. И Маковский мог бы в этом случае торжествовать победу, но Плетнев знал, что если какой человек не хочет делать нечто, что противоречило его убеждениям, то в итоге он все равно сделает иначе. Даже большей частью бессознательно сделает, потому как все внутри него будет восставать против подобного положения вещей. Причем фактор проигрыша уже не будет в таком случае играть какого-то явного значения, ибо само поражения тут как бы уже не рассматривается.

--Ты меня совсем запутал,--улыбнулся Маковский, но, посмотрев на него, Плетнев увидел, что товарищ внутренне был солидарен с ним. Разве что (и это было тоже понятно), явно, в сознании, он ни за что бы не признался что это так. Ну да в этом случае, как понимал Плетнев, какого-либо явного одобрения (или не одобрения) словно бы и не требовалось. Самое главное, считал он, как человек чувствует на самом деле. И если он будет продолжать противиться явному, то о таком человеке Плетнев мог бы сказать нечто и вовсе не очень хорошее. И что наверняка,-- для него просто не приятно было в дальнейшем продолжать рассматривать такого человека.

В другом же случае, если Евгений замечал, что кто-то стремится также как и он, Плетнев, разгадать какие-то механизмы жизни (в какой-то мере подчинившись условиям, из которых состояла жизнь), то уже в этом случае Евгений Плетнев подспудно тянулся к такому человеку, явно угадывая в нем некую родственную душу. И любому человеку, как считал Евгений Георгиевич, всегда

приятно было видеть в ком-то другом -- часть себя. А то и приятно вдвойне.

Глава 3

Рассматривая вопрос создания собственных жизненных приоритетов (а с недавнего времени к этому Маковский решил подойти серьезно), Владимир Николаевич в который уже раз вынужден был обратить внимание, что он на самом деле серьезно запутывает свою жизнь. Причем подобное становится возможным еще и потому, что он словно бы не намеренно уходит в сторону всякий раз, как только делает попытку какого-то серьезного анализа жизни. И даже так получается, что он, вроде как, и думает об этом, вроде как его мысли и находятся в спектре единых - и так необходимых ему излучений, - но при этом зачастую получается нечто необъяснимое. То, что наверняка могло быть продиктовано чем-то необъяснимым, даже может быть неразгаданным, и что уж точно - невероятно запутанным. Причем сам вопрос: почему все происходит именно так - Маковский как будто даже не рассматривал. Плетнев заметил как-то, что видимо он боится рассматривать жизнь с подобных позиций. Но Маковский давно заметил, что Плетнев в иные моменты способен говорить фактически то, о чем знал сам Маковский, но о чем он предпочитал молчать для себя. Владимир Николаевич серьезно относился к появлению (он называл это "обналичиванию") какой-либо информации из своего подсознания. Явно опасаясь, что со временем такая информация способна материализоваться, превратившись в нечто, от чего станет как бы не по себе. Потому как любая информация может привести как к пользе, так и принести исключительный вред. И потому так получается, как знал Маковский, что он должен быть весьма аккуратен при работе с любого рода информации. Особенно учитывая специфику собственной психики, которая зачастую способна была выдавать не ту реакцию, которая была свойственна реакций большинства людей, находившихся с Маковским в равных условиях. Да и сам Маковский, впрочем, всегда стремился оторваться от толпы. Стремился словно бы остаться наедине с собой, чтобы понять какие-то положения жизни. Быть может лучше разобраться в этой жизни. Тогда как ему совсем оказалось бы неприятным, если бы кто-то его попытался сравнить с кем-либо. С тем же Плетневым, хотя и они с Евгением Георгиевичем были старинными друзьями. Но Маковский всегда разделял дружбу и

какие-то иного рода привязанности. Потому как знал уже на примере собственной жизни, что не стоит так-то просто доверять другому. И даже не потому что тот другой может предать. А как раз может произойти когда-нибудь недопонимание ситуации тем человеком. И, опять же, не потому что человек плохой или глупый. Просто каждый индивид, считал Маковский, воспитывается в разных условиях, имеет различную генетическую предрасположенность, да и вообще - тут все как бы всегда иное. Поэтому не секрет, что Маковский считал, что даже тот, кто еще недавно проявлял к вам самую близкую предрасположенность, на самом деле через какое-то время способен изменить направленность своих мыслей в отношении вас. И чтобы не удивляться тому, что так произойдет, Маковский предпочитал действовать как бы на опережение. Ну и особо не сближаясь ни с кем.

--Люди ненадежны,--часто говорил он.

И Евгений Плетнев на удивление с ним всегда соглашался. Маковский давно заметил схожесть собственных мыслей и мыслей Плетнева. Быть может потому, им было приятно общаться. Хотя и при этом, и тот и другой все равно предпочитали несколько дистанцироваться друг от друга. Словно опасаясь нарушения той незримой грани, которая проходила между ними и характеризовалась дальнейшим ростом взаимопонимания.

И видимо как раз это взаимопонимание каждый из них опасался разрушить. И при этом и тот и другой знали о своем одиночестве. Потому как так выходило, что они и действительно ни с кем особо не сближались. Не сближались каждый по отдельности, не сближались вместе. Да и вообще, уже получалось, что стремились они большей частью даже если и находясь с кем-то - все же оставаться наедине с собой. Так было им как бы комфортнее.

Причем ни тот ни другой не испытывал каких-либо трудностей в общении с другими. Но видимо отсутствие трудностей, еще не есть наличие желания. И как раз такое желание и у Плетнева и у Маковского практически напрочь отсутствовало.

Впрочем, это на самом деле несколько не противоречило состоянию их души. И предрасположенности души на выполнение взаимоотношений с жизнью.

.....

Плетнев давно уже думал о своих взаимоотношениях с жизнью.

Как-то выходило так, что он только сейчас начал понимать, что на самом деле стремился все время постигнуть жизненные законы. И это было необходимо ему не только для решения каких-то задач в этой жизни, но и скорей всего требовалось для выживания в этой жизни. Ибо уже получалось так, что с недавних пор ("а может еще с юности",-- подумал Евгений Георгиевич) он осознал, что просто не имеет права жить жизнью миллионов сограждан. Для того чтобы оказаться значимым в этой жизни, рассудил он, наверняка необходимо действовать совсем по иному. Иначе строить жизнь. Как, впрочем, и понимать законы жизни, разгадывая те тайны, которыми было преисполнено существование любого без исключения человека. Просто, как знал Плетнев, кто-то из этого большинства людей не только не видит знаки судьбы, но и попросту не понимает свое собственное предназначение как раз в силу генетической не предрасположенности. Тогда как в силу ряда причин (и еще больше - в силу окутавших эти причины обстоятельств) иной раз случается ("должно случаться",-- подумал Плетнев) исключения из правил даже и в таком параметре, как судьба и генетическая предрасположенность.

Ну да что касаясь себя, Евгений Георгиевич знал, что он просто не имеет права отвлекаться на какие-то иные мысли, кроме как те, что лежали в плоскости труда, работы, обретения новых знаний, закрепления знаний старых, и вообще, другими словами, того, что было необходимо для собственного продвижения. Как и вообще для движения. Движения вперед. К тем границам, переступив за которые, уже можно было рассчитывать на начало какого-то признания заслуг.

Евгений Георгиевич решил поговорить с Маковским. Совсем недавно Владимир Николаевич получил в свое введение кафедру. Защитил докторскую. Рассчитывал в ближайшее время стать членкорром, а после и академиком. В общем - так же как и Плетнев уверенно шел вперед. За небольшим исключением. У Евгения Николаевич до сих пор не было никакой научной степени. Он понимал, что как-то упустил этот момент. Но сейчас, предметом разговора с Маковским как раз и было желание Евгения Георгиевича компенсировать подобное упущение прошлого.

--Не вижу проблем,--развел руками Маковский, не только выслушав Плетнева, но и просмотрев принесенный тем материал.- Тут, на мой взгляд, можно сразу идти на докторскую. Правила это позволяют, тем более твои знания как бы не предусматривают, что на твоём пути будут какие-то серьезные проблемы.

--Мне бы вообще не хотелось проблем,--улыбнулся Плетнев.
--Да я думаю их и не будет,--кивнул Маковский, решив про себя, что проблем быть действительно не должно.

Глава 4

В последующие несколько месяцев вся рутинная часть была закончена. Плетнев уверенно сдал кандидатские экзамены, прошел предзащиту на кафедре Маковского, и еще через какое-то время уверенно защитил сразу докторскую диссертацию. Причем как-то так вышло, что ему не удалось остановиться после этого (он вообще или отдыхал или работал, предпочитая не останавливаться на середине), и в течении еще какого-то (совсем незначительного) времени, Плетнев защитил еще несколько диссертаций, став доктором социологии и доктором философии, и намереваясь стать еще доктором психологии, или какой иной науки, в русле которой он давно уже проводил жизнь. Именно проводил, потому как жизнь Евгения Георгиевича была действительно подчинена науке, а наука подчинена жизни. Причем он сразу отметал возможную критику в какой-либо приверженности к догматизму, зная что не только всю свою жизненную теоретическую базу подкреплял эмпирическим путем, но и все время корректировал имеющиеся у него знания, понимая, что жизнь не стоит на месте, что все осуществляется в соответствии с законами диалектики, а потому и нисколько не опасался Евгений Георгиевич, что на каком-то этапе ему придется остановиться. Да и он вообще опасался каких-либо остановок, особенно зная свою приверженность к максимализму. Причем максимализм проявлялся в полной мере и в любых обстоятельствах жизни. Поэтому Плетнев мог как работать, валясь практически без сил, так и отдыхать, не считая необходимым загонять себя дальше, и случалось, что через какое-то время бросая все, на время закрываясь от жизни.

.....

Что помогало Плетневу возвращаться? Ведь он всегда возвращался к обычной жизни. К той жизни, к которой привык. К жизни, в русле которой фактически находился все время. И тогда, когда вступал в жаркие дискуссии (споры) с самим собой, И тогда, когда выслушивал критику в отношении себя со стороны других.

Да и вообще, если разобраться, Евгению Георгиевичу было не так-то и просто жить. И прежде всего потому, что человек он был весьма неординарный. И уже здесь, по всей видимости, можно было найти всю ту причинно-следственную часть, благодаря которой, собственно, и становилось возможным что-то узнать об этом человеке. Притом что на самом деле, даже если кому-то становилось что-то понятно о нем, это все же было не так на самом деле и понятно. А то и вовсе непонятно. Хотя бы потому...

Плетнев сам не знал почему. Не знал, или не хотел разгадать себя так быстро. Фактически он знал, что тому, что он достигал в своей жизни, он был фактически благодарен поиску внутри себя, и последующему проецированию этого на мир внешний. Тот мир, который его окружал. Мир, который, быть может, и не был столь негативно к нему настроен, как ему иногда казалось. Как, впрочем, и не был излишне предрасположен, как тоже казалось ему. Жизнь Плетнева вообще протекала в русле диалектики. И потому так выходило, что ему было совсем не скучно жить. По крайней мере, он был все время занят. А это ведь тоже, своего рода, работа. Даже можно сказать, вечная работа. Работа, у которой нет окончания. И при этом такая работа совсем не надоедает со временем. И даже если предположить, что возможно иное,-- этого иного все равно или совсем не было, или же оно было столь по своему привлекательным, что совсем, как будто, и не хотелось, чтобы оно так быстро заканчивалось. Тем более заканчивалось не начавшись,-- ибо, если разобраться, в жизни Евгения Георгиевича как будто и не было возможного окончания. А он сам все время пребывал в столь загадочном настроении, что можно предположить - получал какое-то свое удовольствие уже от этого. Как, впрочем, и от того, что ничего не заканчивалось. Особенно, как любил повторять Плетнев, не могло закончиться то, что было вечным.

Глава 5

Вадим Альбертович Энгельгардт был, по сути, престранной личностью. Вот только удавалось ему все время скрывать эту свою странность. Да и внешний вид тут как нельзя играл на руку. И познакомившись с Энгельгардтом, а позже ближе узнав его, Плетнев здорово удивился, обнаружив, что теория Ломброзо в данном случае как бы и не действует. Притом что Плетнев очень привык полагаться в жизни на характеристики внутреннего мира - отложившиеся на внешности. И столько раз Евгений Георгиевич получал жизненные

подтверждения подобного. Но бывали, как он знал, исключения. И вот в этом исключении он мог сейчас убедиться.

Будучи щедушным, можно даже сказать забитым, и что уж точно, невероятно гнилым человеком, внешне Энгельгардт выглядел этаким писанным красавцем, уверенным в себе, с вальяжными манерами и соответствующей речью. Тогда как можно было только предположить, каким этот человек был на самом деле. Да и, судя по всему, мало кто знал, каким он был на самом деле. Потому как был он...

--Дряннь человек,--искренне признался Маковский, когда услышал начало размышлений Плетнева об Энгельгардте.

--Почему ты так считаешь?--наигранно усомнился в словах товарища Плетнев.--По крайней мере внешне он выглядит...

--В том-то и дело что внешне,--перебил его Маковский.--Притом что замечу, если бы ты более внимательно посмотрел на его внешность, то заметил бы, что весь его внутренний мир отображен в его чертах. Просто каким-то образом говорящие с ним подпадают под действие какого-то тумана, в который тот погружает их. Но ведь мы с тобой видим, что это за человек.

--Видим,--согласился Плетнев.

Плетневу в последнее время как-то не очень хотелось с кем-то спорить. К тому же он заметил за Маковским странную тенденцию все время ему противоречить. Словно бы тот чем-то все время был недоволен. И эту странность в поведении товарища Плетнев пока не мог объяснить.

Что же касается Энгельгардта, то в отношении этого человека у Плетнева были противоречивые чувства. И смущала его, прежде всего, порой излишняя наигранность Энгельгардта. Причем, даже тогда, когда становится понятным, что подобная наигранность достаточно заметна, а значит, вроде как, игру следовало срочно сворачивать,-- тем не менее казалось поразительным, но Энгельгардт словно бы ничего такого и не замечал. И продолжал вести себя так, как будто бы ничего не произошло.

Что действительно казалось достаточно странным. Хотя и странным, как понимал Плетнев, лишь на протяжении какого-то времени, в течении которого все кто хотел разбирались, что демонстрируемое сейчас Энгельгардтом - это лишь некая условная модель поведения. Тогда как на самом деле Энгельгардт старался никого не впускать в своей внутренний мир. Отчего, быть может, этот мир казался еще более загадочным, и словно бы действительно, не предрасположенным для изучения со стороны. Но вот в том-то и

дело, что Евгений Георгиевич весьма любил наблюдать все со стороны.

А потому уже никто и не удивлялся, что видел Энгельгардт иной раз несколько больше, чем остальные. Хотя и страдал, при этом, от своего излишнего вИдения, и что уж точно - страдал много больше остальных.

--Мне кажется Энгельгардт забавным типом,--предположил Плетнев, посмотрев на Маковского.

--Надеюсь его забавность не зиждется на непонятности?- парировал Маковский.

--Да видимо как раз так и есть,--согласно кивнул Плетнев.- Если бы когда-нибудь удалось разгадать этого человека до конца, стало бы и легче и интереснее.

--До конца невозможно разгадать ни одного человека,--предположил Маковский, улыбнувшись уголками губ.

Плетнев ничего не сказал, лишь задумавшись о чем-то своем, но при этом не забыв на всякий случай кивнуть, показывая что продолжает находиться в беседе, все слышит, и если иногда молчит - это совсем не значит, что он где-то далеко. Хотя, по сути, Евгений Георгиевич и был-то как раз сейчас весьма далеко. Причем так далеко, что он даже не заметил, как ушел Маковский.

Но Плетнев не переживал. Он знал Владимира Николаевича давно, и знал, что тот на него никогда не обижался, словно предусматривая в нем какие-то подобные странности, точнее - оправдывая их. Он и сам точно также относился к людям, предпочитая никогда никого не судить слишком строго, и допуская, что людям свойственно ошибаться. Он бы мог добавить - ошибаться, а после осознавать свои ошибки. Разве что на подобное осознание иной раз могли уйти годы....

.....

Плетнев обратил внимание, что в нем вновь просыпается это (уже порядком надоевшее ему) чувство, символизирующее нежелание общаться с кем-либо.

Причем дело обстояло так, что как будто саму причину Евгений Георгиевич все время упускал из вида. Ну, или попросту не мог найти, хотя, по сути, искал. Искал, но обычно пока искал - исчезало само желание нахождения. Такое желание уже казалось Плетневу не столь важным. Как бы, получается, не актуальным. И при этом, все его попытки действительно докопаться до правды, фактически были обречены на провал изначально. И причина, как

понимал Плетнев, крылась в его собственной психике, так как он совсем даже не пытался ни разу дойти до конца.

Можно было бы сказать, что ему важен сам процесс,-- как периодически говорили Плетневу те, с кем он по ошибке делился подобными проблемами. Хотя слово "проблема" тут скорее означала просто сам вопрос (который необходимо было обозначить таким образом), тогда как к самой, собственно, проблеме несколько не относилось. Ну а "по ошибке" -- потому как через время Евгений Георгиевич Плетнев действительно начинал жалеть, что был с кем-то откровенен. Потому как давно уже понял по жизни, что обречен фактически идти один.

Нет, он мог при этом разыгрывать очень даже как тесное общение с кем-то, так и набирать обширные связи. Но сам-то он знал, что это, по сути, ни к чему привести не могло. И потому уже так получалось, что Евгений Георгиевич оставался, как сказал как-то Довлатов, один - но рядом с кем-то. Он и действительно был один,-- но с кем-то. И этот кто-то был он сам. Ну, так уж получалось.

.....

--Мне очень хочется, чтобы ты познакомил меня со своими знакомыми,--попросил как-то Плетнева Энгельгардт.

--Зачем?-не понял Плетнев.-Зачем тебе нужны мои знакомые?-удивленными глазами Евгений Георгиевич уставился на Энгельгардта.

--Да так,--уклончиво ответил Вадим Альбертович.

Плетнев посмотрел на него несколько заинтересовано. Ему чем-то нравился этот человек. Какие-то черты в нем даже оказывались схожи с теми, что Плетнев наблюдал у себя. Но вот Евгений Георгиевич знал, что найти настоящие точки соприкосновения с этим человеком не сможет никогда. Зачем тогда с ним общался? Только из-за того, что он до сих пор еще не избавился от привычки общаться с теми, кому необходимо было его общение? Хотя, сказать по правде, он и старался подобные контакты ограничивать. И даже мог предположить, что в скором будущем избавится от них совсем. Но пока...

Пока ему трудно было так просто взять и отодвинуть от себя человека. Поэтому он, можно сказать, общение с такими людьми терпел. Утешая себя, что все это до поры до времени.

Глава 6

Плетневу снова вспомнилась молодость. По сути, молодость Евгения Георгиевича была тем, что он до сих пор скрывал. И даже не сама молодость. Вернее, не только молодость... Скорее всего, тут следовало говорить о прошлом.

Прошлое Плетнев старался вспомнить избирательно. Как бы уже получалось, что было в этом прошлом что-то такое, о чем он вспоминать не хотел. Нет, не отказывался от прошлого, а просто не хотел. Не хотел сейчас, допуская, что когда-нибудь наступит то время, когда он сможет говорить обо всем. Ну, или даже, например, не самому говорить, а если кто спросит - ответить.

Если разобраться, в иных случаях Евгению Георгиевичу было проще отвечать на вопросы (он всегда отвечал сходу на любой вопрос), нежели чем задавать их самому, а тем более самому о чем-то вспоминать.

Но он мог. Он мог (при желании; точнее, скорее, по особому настроению) вспомнить все. Вспомнить даже те факты, которые не очень нравились ему. Вспомнить, и... по-другому проинтерпретировать их. А может быть и сказать правду. Шокирующую правду, потому как поэтому и приходилось что-то придумывать, подменяя иной раз какие-либо нюансы (но никогда не искажая общего смысла) новыми подробностями. Да и, по сути, Плетнев рано понял, что на самом деле в жизни могут быть любые подробности. Просто иной раз так выходило, что люди, которые должны были принять подобного рода информацию, как бы не способны были понять все именно так, как хотелось бы. Ведь известно, знал Плетнев, что каждый индивид в той или иной мере смотрит на мир своим субъективным взглядом. А потому становилось объяснимо, что в такой модальности иной раз совсем невозможно расставлять правильные акценты. Все время напрашивалось некое смещение характеристик, мнений, суждений... И потому (желая предотвратить подобное), на каком-то жизненном этапе Евгений Георгиевич Плетнев и выдумал свою жизнь. Ну, или часть ее. А со временем видимо так вжился в роль, что уже не помнил - что и чем заменил.

И тогда ему пришлось выдумывать свою жизнь заново. Но так как, чтобы выдумать всю жизнь (так сказать в целостном аспекте) необходимо, во-первых, жизнь прожить, а во-вторых, все же лучше стать чужим биографом, описывая жизнь не свою, то Плетнев и понял, что ни первого ни второго требования соблюсти он не сможет. А раз так...

--Раз так,-- подумал Евгений Георгиевич Плетнев, должен он все-таки заниматься восстановлением событий, основываясь только на части, то есть - отталкиваясь только от какого-то отрезка жизни.

Но и этом это нисколько при этом не значило, что Плетневу не разрешалось делать так, чтобы эти отрезки (отрезки одного жизненного периода) не совпадали. Почему нет?-как-то раз задал он себе подобный вопрос, тут же на него ответил, улыбнулся, и больше к этой теме не возвращался.

С тех пор практически оказывалось невозможным предположить, что в жизни Евгения Георгиевича Плетнева оказывалось на самом деле, а что только предполагалось. Тем более что со временем, как мы уже заметили, подобное он забыл и сам. И потому, чтобы не запутаться окончательно, попросту запоминал рассказанные им же самим истории. Чтобы при случае - не сбиться с надуманных воспоминаний. И при этом вскоре Плетнев заметил некоторую закономерность: все эти вымышленные воспоминания - так стало казаться ему - словно бы и на самом деле происходили в жизни. По крайней мере он в это верил.

.....

--Стоит обратить внимание,--посмотрел Энгельгардт на Маковского,-- я всегда сам решаю свои вопросы.

Признаться, подобные слова Владимира Николаевича Маковского несколько смутили. Но если раньше он знал, что ему не нравится этот человек, то сейчас Маковский вдруг понял это настолько отчетливо, что ему захотелось уйти.

--Мне все понятно,--поспешил Маковский прекратить дискуссию, на которую, видимо, рассчитывал Энгельгардт. Маковский вообще решил избавиться от этого человека и больше с ним не встречаться.-Скажите,--не удержался он от вопроса, когда все уже было решено, и понятно что с Энгельгардтом они расстанутся.- Скажите,--повторил Маковский, внимательно посмотрев на Вадима Альбертовича.-А вы действительно всегда считаете именно так, как об этом говорите?

Казалось, он попал в точку. Вадим Альбертович Энгельгардт смутился, покраснел, потом попытался что-то сказать, да не смог. Ему и раньше-то слова давались с трудом (в том плане, что говорил он с неохотой), а тут, несмотря на попытки - ничего внятного произнести не смог.

Впрочем, об этом, как и о самом Энгельгардте, Маковский вскоре забыл. Как отложил в сторону и другие дела, да и вообще

любое общение. Владимир Николаевич влюбился. И полюбил он Зою Абраменко.

Глава 7

Зоя Абраменко после расставания с Плетневым (вернее, когда она уже поняла, что дальнейшее продолжение отношений невозможно) лишь какое-то время пребывала одна. После она влюбила в себя такое количество мужчин, что сделала вывод: если срочно не остановится - станет не женщиной, а блядью. Вернее -- сама станет считать себя так. А это, как знала девушка, намного опаснее - чем если бы так считали (и считали) окружающие.

Когда же Зоя отходила от своего разгульства ("догуляю и закончу",--говорила она себе), то случайно повстречала Маковского. Как-то быстро переспала с ним (явно по привычке; она теперь вступала в половые отношения с любым мужчиной, который обратил на нее хоть какое-то внимание и проявил заинтересованность - пусть и показную -- в интимной близости). А после того как они расстались (она всегда расставалась после первого раза, зная, что новых желающих встретит всегда: тело ее было все также привлекательно), Зое вдруг захотелось увидеть Владимира Николаевича снова. Да не просто увидеть, а захотелось признаться ему в любви.

Последние годы Зоя за собой подобного не замечала. Можно даже сказать, она отучила себя проявлять какие-то чувства, после того как ее бросил Плетнев. Но сейчас, на взгляд женщины, был совсем другой случай. Маковский ей не только понравился (впрочем, ей нравились почти все мужчины, с которыми она когда-то "спала"), но девушке захотелось видеть его вновь, хотелось даже влюбить в себя этого человека.

Испугавшись по началу подобных чувств, Зоя вдруг поняла, что это как раз тот случай, когда она может себе позволить не сдерживаться. Маковский представлял из себя тип этакого рафинированного интеллигента. Он был вежлив, исключительно порядочен, и совершенно не приспособлен к жизни. То есть вся его жизнь сводилась к механическому и шаблонному повторению заученных движений. Его слова, поступки, возникающие желания, были как бы подчинены только одному: адаптации а обществе. Он выучил правила этой адаптации. И стремился не отступать от единожды выверенного решения, проверенного к тому же временем.

Таких людей Зоя еще не встречала. Хотя она понимала, что, судя по всему, попросту не задумывалась над психотипом людей, с которыми общалась раньше (о психотипе ей как-то рассказал Маковский, положив своими словами начало размышлений девушки). Ведь кто ей встречался в ее представлении (то есть в тогдашних мыслях)? Это были, прежде всего, мужчины. Но после расставания с Плетневым Зою перестали интересовать мужчины как личности. Ей стало совсем безразлично то, о чем они думали. Это она раньше пыталась вникнуть в проблемы мужчин ("у мужчин всегда много проблем",--как-то заметила она одной из своих подруг или знакомых. Кто это был - она не помнила, потому что почти исключила из своего близкого общения женщин). Зоя сама понимала, что Плетнев, его отношение к ней ("исключительно потребительское",--заметила как-то она) словно бы отучили ее от многих иллюзий. После расставания с Плетневым она стала вести иную жизнь. Но вот сейчас, после того как встретила Маковского, девушке отчего-то захотелось вновь стать собой прежней. И она сделала все, чтобы влюбить в себя Владимира Николаевича Маковского. Что у нее и получилось. (Хотя на случай если не будет долго получаться, Зоя придумала способ, который бы сыграл свою роль: она бы сказала Маковскому что беременна от него. И зная Владимира Николаевича, не сомневалась - что онотреагирует правильно.)

Но до этого не дошло. Маковский вдруг ответил взаимностью на чувства Зои. И можно даже сказать, что признались в любви они друг другу одновременно.

.....

Плетнев знал о многом, а кто-то считал, что и обо всем.

Знал, но старался до поры до времени не пользоваться имеющейся у него информацией. Так ему было спокойно,--думал кто-то. Но еще вернее было,--как предполагало совсем малое число людей, большей частью когда-то близко общавшихся с Евгением Георгиевичем,--что Плетнев сам по себе никогда бы не смог решиться использовать подобную (тайную) информацию, если бы только не нашлось чего-то, что оказалось бы способным вывести его из себя. Мол, только тогда.

Как считал сам Плетнев - никто не знал. Можно даже предположить, что не знал он и сам. Хотя тот же Маковский, зная Плетнева, был уверен, что при случае тот будет делать все, чтобы сбить с толку любого интересующегося. Причем это стало у Евгения

Георгиевича скорее привычкой, чем следовало усматривать в подобном какую-либо намеренность. Последней не было. Не было хотя бы потому, что в душе Евгений Плетнев был исключительно искренним и доверчивым человеком. Он привык доверять другим. Он привык, что доверяют ему. Так как этих "других" со временем становилось все больше, Евгений Георгиевич уже перестал верить кому попало, и как бы попутно перестал верить себе. Что же касалось желаний, то достаточно быстро Евгений Георгиевич понял, что те, кто часто общается с другими людьми, постепенно перестает верить всем. Потому что природа психики такова, что человек в большей мере становится склонен ко лжи, чем к какой-либо форме правды. И если уж говорить дальше (а Плетнев вообще любил как поговорить, так и поразмышлять), то в подобном случае мог намечаться определенный парадокс, если бы Плетнев однажды не расставил все точки над "и". Когда было надо, он умел решительно пресекать намечаемые противоречия, действуя решительно и как бы наверняка. И при этом...

И при всем при этом, Евгений Георгиевич Плетнев все так же не мог похвастать тем, что способен был разрешить все противоречия.

Тут даже можно было предположить, что он переживал при этом, если не знать, что как раз переживать он как-то дал себе зарок. Слишком это оказывалось мучительно для его психики. Да и сама психика со временем претерпела столько метаморфоз, что было почти невозможно сказать, сколько она еще сможет выдержать, чтобы не скурвиться.

И при этом трудно было бы допустить, что Евгений Георгиевич не контролировал ситуацию. Нет, тут как раз все у него было под контролем. Можно сказать даже больше. Многочисленными (по временным рамкам) размышлениями Плетнев приучил себя -- как реагировать на любое обстоятельство, так и отдавать отчет всему, что происходило или происходит с ним. И что тут было главным, прошлое или настоящее, понять, наверное, не мог и он сам. А может и не хотел, понимая, что чем больше неразгаданных тайн - тем интересней жить. Ведь так часто бывало, что, докопавшись до какой-либо истины, как будто и мучавшей его с давних пор, Плетнев начинал бессознательно корить себя, понимая, что зря он это сделал: доискался правды.

Но это совсем не значило, что в другой раз он эту правду не будет искать. В его сознании вообще многое перемешалось за годы жизни. И чем Евгений Георгиевич становился старше, тем больше он

допускал наличие возможных (и даже обязательных) противоречий, которые просто обязаны были существовать.

И вот как только понял он это уже окончательно, то больше не предпринимал никаких попыток искать. Он словно бы предпочитал оставлять все на своих местах, чтобы, когда это было необходимо, возвращаться к проблеме вновь. А возвращаясь, он всегда удивительным образом преображался. Испытывая в иных случаях наслаждение сродни сексуальному.

Подобное действительно оказывало мощное суггестивное влияние на его психику. Причем уже как раз тут Евгений Георгиевич становился не способен себя ограничивать. Он считал, что непременно должен пребывать в самом процессе. Ему становился неважен результат. Можно было сказать, он занимался проблемой ради самой проблемы. Какая-либо истина отступала на второй план. Он видел, какое огромное по силе воздействие начинает вдруг испытывать его психика. Видел, и сознательно не останавливал процесс. В такие минуты он действительно жил. Ему хотелось, чтобы такие минуты растягивались на вечность. Он получал настоящее удовлетворение от самого процесса. Процесс его подчинял, вел вперед, гипнотизировал. И это по своему нравилось Плетневу, вдруг начинавшему балансировать на краю пропасти, совсем, как будто, не рассчитывая ни на что, на какой-либо результат. Он запрещал себе ожидать какой-либо результат. При этом, бессознательно понимая, что результат придет сам собой. Для этого тот не надо ждать. Да и какие-либо ожидания все равно не смогут поддаваться какому-нибудь планированию. Потому что это был практически вечный поиск. Поиск истины. Поиск смысла жизни. Процесс, который не мог закончиться никогда.

Сергей Алексеевич Зелинский
16 мая 2008 год

© С.А.Зелинский. История вопроса,
или демарш воли.